

Каталог катастрофы

Автор:

Чарльз Стросс

Каталог катастрофы

Чарльз Стросс

Мастера магического реализма (АСТ)Прачечная #1

Это мир, в котором чудовища поджидают вас буквально за углом, мир, где с помощью высшей математики можно творить магию, мир, который стоит на грани катастрофы. Это мир, в котором живет Боб Говард, простой программист. Он работает на Прачечную, сверхсекретное правительственное агентство по борьбе с потусторонними угрозами. Пока его коллеги спасают Землю, Боб корпит за компьютером, задыхаясь от бесконечного потока заявок, служебных записок и бланков. Но вскоре его скучная работа изменится навсегда. Сеть шпионских интриг, порталы, ведущие в умирающие параллельные вселенные, демоны и Древние боги – вот с чем ему придется разбираться теперь. Такие противники могут легко расправиться с любым Джеймсом Бондом, и Боб может противопоставить им только свой разум и выдающийся интеллект. Но, главное, вовремя отправить начальству отчет, ведь конец света еще не наступил, а вот штраф можно получить уже сейчас.

Чарльз Стросс

Каталог катастрофы

Charles Stross

The Atrocity Archives

© 2004 by Charles Stross

© Ефрем Лихтенштейн, перевод, 2020

© Василий Половцев, иллюстрация, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Каталог катастрофы

Благодарности

Авторы пишут, но не в полном вакууме.

В первую очередь я хочу поблагодарить членов местного писательского семинара, которым пришлось продраться через преисподнюю вычитывания черновой рукописи, и которые указали мне на многочисленные неувязки, требовавшие исправления. Пол Фрэзер из «Spectrum SF» вложил в редактуру куда больше сил, чем я имел право ожидать, когда готовил роман к журнальной публикации. Также благодарю Марти Хэлперна из «Golden Gryphon Press», который помог появиться на свет книжному изданию. Ну и наконец: я стою на плечах великанов. Три автора позволили мне задумать эту книгу – мой поклон Г. Ф. Лавкрафту, Нилу Стивенсону и Лену Дейтону.

1. Действительная служба

Ночью небо зеленеет – хакер сразу веселеет.

Я прячусь в кустах за каким-то промышленным агрегатом, вооруженный планшетом, пейджером и парой выпуклых очков ночного видения, которые окрашивают все вокруг в изумрудные тона. Я в них выгляжу как ботан в противогазе, а еще от них болит голова. Воздух плотный и вязкий, моросит мелкий дождь, влажность такая, что ветровка и перчатки неприятно липнут к телу. Я сижу тут, в кустах, уже три часа, жду, пока последний трудоголик выключит наконец свет и пойдет домой, чтобы я смог забраться внутрь через окно. И зачем я только согласился на предложение Энди? Кража со взломом с разрешения правительства – на деле куда менее романтическое занятие, чем можно вообразить, особенно если за час тебе заплатят всего в полтора раза больше обычного.

(Сволочь ты, Энди. «Кстати, по поводу твоей прошлогодней заявки на переход на действительную службу. Так вышло, что на сегодня есть одно дело, а рук не хватает. Не хочешь помочь?»)

Переминаюсь с ноги на ногу, дышу на ладони. В приземистом бетонном корпусе передо мной никаких признаков жизни. Уже одиннадцать вечера, а в офисном зале до сих пор горит свет: он там ночевать собрался, что ли? Сдвигаю очки на лоб, и все погружается в темноту, только эти проклятые окна мерцают, словно светлячки в глазницах черепа.

Внезапное ощущение: будто рой пчел вдруг загудел рядом с моим мочевым пузырем. Беззвучно выругавшись, лезу под ветровку за пейджером. Экран без подсветки, поэтому мне приходится рискнуть и на секунду включить фонарик, чтобы прочесть сообщение: «МНДЖР УЙДТ ЧРЗ 5 МИН». Даже не спрашиваю, как они это узнали, – просто радуюсь, что мне придется всего пять минут простоять здесь, среди подтопленных деревьев, стараясь не слишком громко притопывать замерзшими ногами и раздумывая, что говорить, если охрана вдруг заглянет на огонек. Еще пять минут прятаться на заднем дворе отдела обеспечения качества «Memetix (UK) Ltd.» – дочерней компании международного концерна, штаб-квартира которого находится в городе Менло-Парк, Калифорния, – а потом можно будет наконец сделать свое дело и поехать домой. Еще пять минут прятаться в кустах посреди промзоны, где белый жар технологии до глубокой ночи не дает погаснуть свету, где безымянный ужас не высасывает тебе мозги, чтобы бросить потом на поживу кадровому отделу, – если только у тебя не всплывет недостача по данным отчета за третий квартал или не выяснится, что

ты позабыл принести кровавую жертву на алтаре Эффективного Управления.

Где-то внутри здания последний засидевшийся менеджер зеваает и тянется за ключом от своего BMW. Уборщицы уже разошлись по домам; крупные сервера тихонько мурлыкают в своей прохладной берлоге, расположенной рядом с инженерным стояком офисного корпуса. Осталось только не попасться охраннику – и можно возвращаться домой.

Вдалеке закашлялся разбуженный мотор, завелся и выкатился, взвизгнув мокрыми шинами, с корпоративной парковки BMW. Как только он скрывается в темноте, у меня снова гудит пейджер: «ПОШЕЛ!» Я начинаю осторожно пробираться вперед.

И никакой детектор движения меня не засекает, никакие сторожевые ротвейлеры меня не ловят, никакие охранники в глухих шлемах не выскакивают из-за угла: это другое кино, а я – не Арнольд Шварценеггер. (Энди мне так сказал: «Если тебя засекут, улыбнись, встань и покажи им удостоверение – и звони мне. Я разберусь. За то, что вытащишь старика из постели посреди ночи, чтобы он за тобой прибрал, тебе положена черная метка, но лучше черная метка, чем дырка в черепе. Главное, помни: промзона в Кроксли – это тебе не Новая Земля, так что пробитой головой ты не спасешь мир от империи зла».)

Прохлюпав по мокрой траве, нахожу нужное окно. В полном соответствии с ориентировкой оно закрыто, но не заперто. Потянул – и вот створка распаивается мне навстречу. Высоковато – фута четыре от бетонного стока под стеной. Я подтягиваюсь, перебираюсь через подоконник и сшибаю грудку дисков, которые маленькой лавиной сыплются на пол. Вся комната окрашена в призрачную зелень, если не считать ярких пятен отключенных мониторов и кулеров, выдувающих горячий воздух из компьютерных корпусов. Я неуклюже перелезаю через захламленный стол и гадаю: как же, интересно, хозяин не заметит четкий отпечаток моего ботинка между стопкой явно секретных документов и кружкой ледяного кофе. А потом спрыгиваю на пол в отделе обеспечения качества; а часики-то тикают.

Снова жужжит пейджер. «ОТЧЕТ». Вытаскиваю из нагрудного кармана мобильник и набираю три цифры, а потом возвращаю его в карман. Докладываю, что я внутри и все идет хорошо. Это Прачечная в чистом виде – они же счет за телефон подошьют к протоколу, чтобы доказать, что я позвонил в расчетное время, а потом засекретят по самые уши. Эх, миновали дни экспромтов и

внезапных обысков...

«Memetix (UK) Ltd.» представляет собой типичный офисный адок: безликие бежевые перегородки разделяют клетки корпоративной жизни. Ксерокс, точно алтарь, висит у стены, на которой вывешены листы священного писания – Кодекс корпоративной этики, список обязательных для всех сотрудников курсов самореализации и тому подобное. Я оглядываюсь по сторонам, ищу кабинку D14. С его стороны к перегородке приколото множество картинок с Дилбертом – признак умеренно бунтарского характера; наверняка менеджеры среднего звена бегут по этому лабиринту перед каждым посещением высокого начальства и срывают эти мятежные листки. Меня охватывает сочувственная дрожь: вот бедолага, каково ему сидеть тут, в тесной кабине, в самом сердце новой промышленной революции и не знать, откуда грянет гром?

На столе три монитора: два больших, но вполне обычных и один очень странный – ему на вид минимум лет десять; почетный ветеран зари компьютерной революции, выданный, наверное, из старой лисп-машины «Symbolics». Во мне просыпается любитель древностей, но глазеть нет времени: до следующего обхода охранника шестнадцать минут. Рядом опасно кренятся башни из книг: Кнут, Дейкстра, Альхазред, другие, менее знакомые имена. Отодвигаю его кресло и сажусь, а потом морщусь: в одном из ящиков его стола кто-то умер и отправился к своему Создателю.

Клавиатура – есть. Учетная запись администратора: я достаю краденую смарткарту S/Key, которую Прачечная добыла у одного из подрядчиков «Memetix», и ввожу ответ на запрос системы. (Одноразовые пароли взламывать вообще несладко, так что возблагодарим же вновь маленьких помощников Прачечной.) И вот я вошел, получил права: пора попытаться понять, куда я, собственно, вошел-то.

Малькольм – я сижу за его столом и пачкаю его клавиатуру – устроил тут настоящий муравейник: под столом свалены мертвые компьютеры с выданными платами, а подозрительный сервер Франкенштейна – тоже кишками наружу – гудит едва ли не громче генератора рядом. Некоторое время я панически обыскиваю все вокруг, ищу серебристые пентакли и мерцающие руны под столешницей, но все чисто. Авторизовавшись, я оказываюсь в лабиринте из нескольких автосмонтированных файловых систем, похожих друг на друга как две капли воды. «Блин, дерьмо, зараза», – шепчу я; в фильме «Бросив смертельный взгляд» такого не было! Вытаскиваю телефон и набираю номер.

– Столичная прачечная и химчистка, чем я могу вам помочь?

– Дайте имя хоста и каталога, я вошел и заблудился.

– Секундочку... попробуйте набрать

«auto/share/fs/scooby/netapp/user/home/Malcolm/R/catbert/world-underscore-domination/manifesto».

Я печатаю так быстро, что пальцы чуть не завязываются узлом. Сервер под столом с тихим щелчком монтирует гигантский массив дисков этого Скуби-Ду и почесывает головки считывания-записи, разыскивая, наверное, самое идиотское имя файла во всей корпоративной сети.

– Погодите... да, есть.

Я заглядываю внутрь и вижу обычный незашифрованный текст: «Заметки к доказательству полиномиальной полноты гамильтоновых сетей». Быстро проматываю текст, просматриваю – нет времени как следует в нем разобраться, но выглядит он солидно.

– Бинго, – говорю я, чувствуя на пояснице неприятный липкий пот. – Есть файл. Пока-пока.

– Дома покакаешь.

Я кладу трубку и смотрю на документ. На миг меня охватывает сомнение... Это ведь нечестно – то, что я собираюсь сделать. И бес противоречия берет верх: быстро настучать команду, отправить запретный файл на не такой уж и мертвый личный мейл. (Потом почитаю.) Теперь пора грохнуть сервер. Я демонтирую сетевой накопитель и бросаю его в пламя низкоуровневого форматирования. Если Малькольму захочется восстановить свою работу, ему потребуются помощь из Центра правительственной связи и сканирующий туннельный микроскоп, чтобы отыскать ее среди 0xDEADBEEF, раскиданных между пластинами жесткого диска.

Опять жужжит пейджер. «ОТЧЕТ». Я нажимаю еще три цифры на телефоне. А потом выскальзываю из кабинки и перебираюсь через захламленный стол

обратно в холодную весеннюю ночь, где могу наконец-то стащить эти треклятые латексные перчатки и размять пальцы в лунном свете.

Я так окрылен успехом, что вспоминаю о стопке дисков, которую опрокинул на пол, только когда выхожу из ночного автобуса на остановку у дома. И тогда уже бес противоречия просто тихонько хихикает.

Когда звонит телефон, я крепко сплю в своей постели.

Он по-прежнему в кармане пиджака, где я забыл его вчера, так что для начала мне приходится немного пометаться по комнате, слушая его жизнерадостное чириканье.

– Алло?

– Боб?

Это Энди. Мне стоит огромных усилий не застонать.

– Который час?

– Девять тридцать. Ты где?

– Сплю. Какого...

– А мы тебя ждем на оперативном разборе. Когда сможешь быть?

– Я себя паршиво чувствую. Домой пришел в полтретьего. Сейчас скажу... в одиннадцать, пойдет?

– Ну, хотя бы так, – раздраженно бурчит он (но ведь не Энди вчера себе задницу в кустах морозил?). – Приезжай.

«А то хуже будет» произносить не надо, оно и так явственно висит в воздухе. Сверхсекретная служба Ее Величества так и не смогла овладеть парадоксальной

концепцией гибкого графика и умением выстраивать разумное расписание.

Неуклюже ковыляю в туалет, мочусь и смотрю на тонкий слой черной плесени на окне. Я дома один, все остальные ушли – кто на работу, а кто и вообще. (На работу – это Пинки и Брейн, а вообще, в смысле, к чертовой матери, – это Мэйри.) Потом беру свою дряхлую зубную щетку и исполняю ежеутренний ритуал. Ну хоть вода горячая есть. На кухне внизу я засыпаю в кофейник ядреный помол и ставлю на конфорку. Думаю, смогу добраться в Прачечную к одиннадцати, и все равно еще остается время проснуться. Там мне нужно быть собранным. Хорошо прошла вчерашняя операция или не очень? И вот теперь, когда уже ничего не поделаешь, я вспоминаю про диски.

Безымянный ужас – это нормально, когда ты развалился перед телевизором и смотришь жесткий боевичок, но, если залить его за пятнадцать минут половиной пинты невероятно крепкого черного кофе, кишки от него завязываются узлом. В голове пролетают кошмарные сценарии, выстроившись клином в порядке нарастания жути: письменный выговор с занесением в личное дело; судебное преследование за незаконный обыск, разрешение на который магическим образом испарилось; и самое страшное – вернусь домой и опять увижу Мэйри на диване в гостиной. Так, это вычеркнуть: мимолетная печаль уступает место более глубокому чувству облегчения, приправленного ноткой одиночества. Одиночество далекого близкого шпиона? Черт, нужно привести голову в порядок. Я же не Джеймс Бонд, которого роковая красотка из КГБ ждет в каждом гостиничном номере. Это первое, что тебе вколачивают в Столичной прачечной и химчистке («Чистим чище, чем дочиста!»): жизнь – не шпионский фильм, в работе нет никакой романтики, да и вообще ничего особенно увлекательного. Особенно когда приходится яйца морозить в корпоративных кустах под дождем и в двенадцатом часу ночи.

Иногда я даже жалею, что упустил возможность выучиться на бухгалтера. Жизнь была бы гораздо проще, если бы я поверил в золотые горы, которые обещали рекрутеры при очередном обходе университетских аудиторий... Но деньги мне нужны, и может быть, они даже когда-нибудь поручат мне сделать что-то интересное. А пока что я сижу на этой работе, потому что все альтернативы намного хуже.

Поэтому я еду на работу.

Лондонская подземка славится тем, что явно не верит, что у людей могут быть почки или кишки. Немногим известно, что на станции «Морнингтон-Кресент» есть ровно одна общественная уборная. Никаких указателей, никаких особых знаков: если спросите о ней у дежурных, они только качают головами, но уборная там есть, потому что мы ее затребовали.

По пурпурной ветке я еду до «Юстон-сквер» – в тесном и дребезжащем загончике вместе со стадом унылых пассажиров – и пересаживаюсь на Северную линию. На следующей станции выхожу, взбираюсь по лестнице, ныряю в мужской туалет и направляюсь к дальней кабинке в правом ряду. Стоит потянуть ручку смыва – но не вниз, а вверх, – как задняя стена открывается, словно большая толстая дверь (там ведь трубы, стояк), и я оказываюсь в вестибюле. Все это немного похоже на низкобюджетный ремейк какого-нибудь голливудского шпионского триллера шестидесятых. Несколько месяцев назад я спросил Бориса, зачем мы вообще все это настроили, но он только хмыкнул и посоветовал уточнить у Энглтона, что в переводе означает «Иди в задницу».

Стена смыкается у меня за спиной, и невидимый соленоид открывает защелку на дверце кабинки: туалетный монстр сожрал еще одну жертву. Я кладу руку в сканер, забираю свой бейдж из лунки рядом с ним и переступаю красную полосу у порога. Обычный рабочий день в Столичной прачечной и химчистке, известной применением лучших чистящих агентов правительства.

И угадайте, кто сегодня попал в кипяток?

Первая остановка: мой кабинет. Если его, конечно, можно назвать кабинетом – это что-то вроде ниши между рядом металлических локеров и чередой престарелых картотечных шкафчиков, в которую административно-хозяйственные гномики втиснули письменный стол из ДСП и компьютерное кресло со сломанной пневматической стойкой. Я бросаю пальто и пиджак на спинку, и мой терминал тут же свистит: НОВАЯ ПОЧТА. Невероятно, Шерлок! У меня всегда полно новых сообщений. Это мой личный закон мироздания: если у меня затихнет почтовый ящик, значит, со вселенной приключилось нечто ужасное, или я умер и попал в бюрократический ад. (Я сам уже из сетевого поколения, а вот некоторые местные служаки до сих пор требуют, чтобы секретари им все распечатывали, а ответы диктуют машинисткам.) На столе стоит холодная, грязная чашка с молоком, в которое долили кофе – Марция опять перестаралась. Над одной из клавиатур укоризненно желтеет стикер: СОВЕЩАНИЕ 9:30 GMT КОМНАТА В4. Проклятие! Как же я забыл?

И я иду в комнату В4.

Над дверью горит красная лампа, так что я стучу и показываю бейдж, прежде чем войти, – на случай, если служба безопасности бдит. Воздух внутри сизый: похоже, Энди пару часов курит одну за другой свои мерзкие французские сигаретки.

– Здравствуйте, – говорю я. – Все собрались?

Борис Крот смотрит на меня каменным взглядом:

– Ты опоздал.

Хэрриет качает головой:

– Не важно. – Она складывает бумаги в аккуратную стопку. – Хорошо выспался?

Отодвигаю стул и плюхаюсь на него.

– Я вчера шесть часов провел в полном единении с кустом. За это время меня посетили три ливня и один дождик из мелких, но чрезвычайно озадаченных лягушат.

Энди тушит окурок и наклоняется к столу:

– Что ж, раз мы все собрались...

Он вопросительно смотрит на Бориса. Тот кивает. Я стараюсь держать лицо: ненавижу, когда старая гвардия начинает корчить из себя невозмутимых джентльменов.

– Джекпот, – говорит мне Энди и ухмыляется. А у меня, между прочим, чуть сердце не разорвалось! – Сегодня идем в паб, Боб, яставляю. Итак: твердая пятерка за результаты, три с плюсом за полевую работу, в целом четыре за операцию.

– Ой, а я думал, что напортачил на входе...

– Нет. Если бы это не была полутайная операция, пришлось бы тебе сжечь ботинки, но в остальном... Смотрим: ноль свидетелей, нашел цель, ничего не оставил, а доктор Дэнвер вскоре попадет под сокращение и начнет искать работу понадежней, – перечисляет Энди и качает головой. – Честно говоря, и добавить-то особенно нечего.

– Но ведь охранник мог...

– Охранник прекрасно знал, что будет, Боб. Он ни на дюйм бы не сдвинулся, изо всех сил старался бы не заметить ничего странного и уж точно не поднял бы тревогу, лишь бы только разведка не вышла из лесу, чтобы сожрать его под томатным соусом.

– Так все было подстроено? – ошарашенно спрашиваю я.

– И отлично подстроено, – кивает Борис.

– А оно того стоило? Я ведь там уничтожил полгода труда какого-то бедолаги...

Борис печально вздыхает и толкает ко мне через стол папку. На обложке – красно-желтая полоса рамочки, а в ней штамп: «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО. ПЕРЕД ПРОЧТЕНИЕМ УНИЧТОЖИТЬ». Я открываю ее и смотрю на титульный лист: «Заметки к доказательству полиномиальной полноты гамильтоновых сетей». И подзаголовок: «Результаты формальной проверки». Похоже, один из оракулов из отдела доказательств теорем всю ночь не спал.

– Он воспроизвел результаты Тьюринга?

– К сожалению, – кивает Борис.

– Ты хочешь знать, стоила ли того вчерашняя операция, – подает голос Хэрриет. – Стоила. Если бы ты не добился успеха, нам, вероятно, пришлось бы прибегнуть к более решительным мерам. Это всегда возможно, но в целом мы стараемся разбираться с такого рода происшествиями на самом нижнем уровне.

Я киваю и закрываю папку, толкаю ее обратно к Борису.

– Что дальше?

– Трудовая дисциплина и график, – отвечает Хэрриет. – Меня немного тревожит, что ты не явился на сегодняшний разбор вовремя. Пожалуйста, постарайся впредь быть пунктуальнее, – добавляет она.

Энди, видимо, понимает, как меня от этого коробит, но молчит. Я злобно смотрю на нее:

– Я шесть часов простоял в кустах, под дождем, а потом вором забрался в здание корпорации. А до этого весь день готовился. – Я начинаю закипать и наклоняюсь вперед: – Если помните, вчера я в восемь утра был тут, а потом Энди попросил меня помочь с этой операцией – в четыре часа дня. Вы пробовали когда-нибудь поймать автобус из Кроксли в Ист-Энд в два часа ночи, под проливным дождем, когда кроме тебя на остановке только какой-то гопник и пьяница, который все пытается выяснить, не приютишь ли ты его на ночь? Я считаю, что это двадцатичасовой рабочий день в тяжелых условиях. Могу подать заявление на сверхурочные.

– Все равно нужно было позвонить и предупредить, – желчно огрызается Хэрриет.

Выиграть мне тут явно не светит, но и по очкам я вроде не проигрываю. Да и не стоит из-за мелочей затевать скандал со своей непосредственной начальницей. Я откидываюсь на спинку стула и зеваю, стараясь не закашляться от сигаретного дыма.

– Следующий пункт повестки, – говорит Энди. – Что делать с этим доктором наук, Малькольмом Дэнвером. Учитывая содержание его работы, следует принять дальнейшие меры; нельзя оставлять ее у всех на виду. Если он ее воспроизведет и опубликует, можно уже в течение нескольких недель ожидать прорыва реальности первого уровня. Но и обычную зачистку проводить нельзя, а то Надзор нам яйца поотрывает... Кхм. – Он косится на Хэрриет, которая поджала губы и явно не оценила шутку. – На несколько месяцев упечет нас шнурки гладить на курсе по изучению социокультурного многообразия для людей с дефицитом эмпатии.

Он едва заметно вздрагивает, и тут я замечаю у него на лацкане красную ленточку, символ борьбы со СПИДом. Энди слишком хорош для этой работы, слишком. Впрочем, если подумать, это и не самое унылое место на госслужбе.

– Есть предложения? Только конструктивные, Боб.

Хэрриет неодобрительно качает головой. Борис просто сидит с видом типичного Бориса. (Борис – один из злобных подручных Энглтона; думаю, он в прошлом воплощении занимался ликвидацией политических для Охранки или кофе Берии подавал. Теперь он просто прикидывается Берлинской стеной во время внутренних разборок.) Энди постукивает пальцами по столу.

– Может, предложить ему работу? – спрашиваю я.

Хэрриет отводит взгляд: номинально она мой начальник по направлению и теперь хочет дать всем понять, что это предложение прозвучало без ее одобрения.

– Ну смотрите... – тяну я, пытаюсь на ходу сформулировать питч. – Он ведь вывел теорему Тьюринга-Лавкрафта из общих принципов. На такое не многие способны. Значит, наверняка умен. Думаю, он как был чистым заучкой-теоретиком, так до сих пор и не отдает себе отчета в том, что так можно вычислить верные геометрические соотношения между узловыми точками, – может даже, до сих пор считает, что это все просто шутки. Никаких ссылок на Ди и остальных, если не считать пары малых арканов у него на полке. Это значит, что он не представляет непосредственной угрозы, а мы ему можем предложить возможность учиться и применить свои навыки и интересы на новом поле, всего-то и нужно – уйти к нам. И тогда он попадет под третью статью.

Третья статья Закона о государственной тайне 1916 года – наше главное оружие в бесконечной борьбе с утечками. Его приняли во время шпионской паники во время войны – то было время глубокой и крайней паранойи, – и закон этот даже более муторный, чем может себе вообразить большинство людей. Насколько им известно, Закон о государственной тайне содержит всего две статьи. Потому что сама третья статья была признана государственной тайной исходя из условий предыдущих статей, и даже просто знать о существовании третьей статьи (не дав подписку о ее соблюдении) – это уголовное преступление. В третьей статье можно найти уйму сочных тайных предписаний, которые облегчают жизнь

шпионам вроде нас; это своего рода бюрократическая шапка-невидимка. Под завесой третьей статьи может произойти что угодно – так, будто вовсе ничего и не было. На американский манер это называется «черная операция».

– Если вы его подведете под статью, нам придется предложить ему должность и выделить бюджет. – Хэрриет возмущена.

– Да, но я не сомневаюсь, что он будет нам полезен, – вяло отмахивается Энди. – Борис, поспрашивай, пожалуйста, в своем отделе, вдруг кому-то пригодится математик, криптограф или кто-то вроде него? Я все запишу и подам на заседании совета. Хэрриет, если не сложно, добавь этот пункт в протокол. Боб, я хочу переговорить с тобой после этого совещания – о дисциплине и графике.

«Вот дерьмо», – думаю я.

– Еще вопросы? Нет? Тогда расходимся.

Когда мы остаемся одни, Энди качает головой.

– Неумно это было, Боб, вот так заводиться с Хэрриет.

– Знаю, – пожимаю плечами. – Просто я, как только ее вижу, сразу испытываю острое желание сыпануть ей соли под хвост.

– Да, но она формально твой начальник по отделу. А я – нет. А значит, ты должен звонить, если планируешь опоздать на стартовое совещание, а иначе она тебя потопит в семи сортах подковерного дерьма. И, поскольку она будет, по сути, права, ссылаться на матричный менеджмент и обращаться в отдел разрешения конфликтов будет бессмысленно. В итоге она твою годовую аттестацию так вывернет, что это больше всего будет похоже на Культурную революцию, в ходе которой ты себя объявил реинкарнацией Генриха Гиммлера. Я ясно выражаюсь?

Я снова сажусь.

– Да, ясность на четыре тысячи бюрократических баллов.

Энди кивает:

– Я тебя понимаю, Боб, честно. Но и Хэрриет несладко: у нее полон рот проектов, и последнее, что ей нужно, – это ждать два часа, потому что ты не удосужился вчера оставить ей голосовое сообщение.

Если так все подать, я и вправду начинаю чувствовать себя дерьмом – хоть и ясно вижу, что мной манипулируют.

– Ладно, я больше так не буду.

Он вздыхает с видимым облегчением:

– Вот это я и хотел услышать.

– Ага. А теперь мне нужно поднять кластер «Beowulf» перед тем, как его отымеет пятничный апдейт шифрования PGP. И откалибровать пермутатор Таро, и провести контрольную проверку очередной гребаной карточной игры на случай, если укуренные художники из Техаса вдруг случайно произвели на свет узловой центр. Еще что-то?

– Думаю, нет, – говорит Энди, вставая. – Ну так что? Понравилась тебе прогулка на свежем воздухе?

– Мокро было, – отвечаю я, тоже поднимаясь и потягиваясь. – Но кроме этого – для разнообразия было здорово. Но я могу всерьез подать на свехурочные, если это будет происходить слишком часто. И про лягушат была не шутка.

– Ну, тут не угадаешь. – Энди хлопает меня по плечу. – Ты вчера отлично поработал, Боб. И я понимаю, какие у тебя сложности с Хэрриет. Тут как раз есть место на учебный курс, начало на следующей неделе: и у нее из-под ног уберешься, и удовольствие получишь.

– Учебный курс? – Я пристально смотрю на него. – Чему учат? Администрировать Windows NT?

Энди качает головой:

– Вычислительная демонология для чайников.

– Но я ведь уже...

– Я и не ожидаю, что ты сам там чему-то новому научишься, Боб. Присматривать надо за другими участниками.

– Другими?

Он невесело улыбается:

– Ты же сам сказал, что хочешь перейти на действительную службу...

Мы не одиноки во Вселенной, истина где-то рядом и так далее и тому подобное. Такого сорта паранойя, раскрученная в поп-культуре, – это, как правило, чепуха... Но червячок правды прячется в сердцевине каждого художественного яблока, и пусть нет никаких пришельцев в холодильниках на военно-воздушной базе Розуэлл, в мире тем не менее хватает тайных агентов, которые залезут к тебе через окно и распотрошат винчестер, если ты вдруг докажешь неподходящую математическую теорему. (Или того хуже, но это уже проблема другого сорта, ими занимаются наши коллеги из полевого отдела.)

По большей части, Вселенная действительно устроена ровно так, как считают все гордые обладатели степени доктора наук. Молекулы состоят из атомов, которые, в свою очередь, состоят из электронов, нейтронов и протонов, и последние два состоят из кварков, а кварки состоят из лептокварков и так далее. Черепахи, черепахи, черепахи – и нет им конца, так сказать. И чтобы найти наибольший простой множитель, общий для двух достаточно длинных чисел, нужно либо потратить в несколько раз больше времени, чем проживет эта Вселенная, либо использовать квантовый компьютер (а это читерство). И на самом деле нет никаких записанных сигналов от другого вида разумной жизни на полках в Аресибо, и нет никаких летающих тарелок в Зоне 51 (если не считать сверхсекретных проектов ВВС США, но они не подходят, потому что все равно летают на авиатопливе).

Но этим дело не исчерпывается.

Я за свои познания пострадал, так что и вас не отпущу с простым односложным ответом. Думаю, вы заслуживаете подробного объяснения. Черт, да я уверен, что все имеют право знать, насколько тонкая и хрупкая структура – наша реальность, но не я придумал правила игры, а нарушать режим секретности Прачечной – это Очень Плохая Идея. Потому что в отделе безопасности работают такие твари, что вы правда, правда не хотите, чтобы они на вас разозлились... да что там, не хотите даже, чтобы они на вас внимание обратили.

Повторюсь, я за свои познания пострадал, и вот что мне удалось узнать. Я мог бы пораспинаться про Кроули и Ди и других мистиков минувших веков, но о них, как правило, и так знает любой маг-самоучка. Суть в том, что большая часть традиционной магии не работает. Более того, она бы вообще была не важна, если бы не теорема Тьюринга, названная в честь Алана Тьюринга, о котором вы точно слышали, если знаете хоть что-то о компьютерах.

Вот такая магия работает. К сожалению.

Вы не слышали о теореме Тьюринга – по крайней мере, не знаете такого названия, – если вы не из наших. Тьюринг ее не опубликовал; более того, он чрезвычайно внезапно умер вскоре после того, как рассказал о ее существовании старому другу, товарищу по военному времени, которому – напрасно – очень доверял. Это была одновременно первая великая победа Прачечной и ее величайшее поражение: честно говоря, они тогда очень сильно погорячились и умудрились в итоге лишиться себя одного из самых блестящих умов в истории.

Как бы там ни было, с тех пор эту теорему время от времени снова открывают – и вполне эффективно скрывают (пусть и без такого откровенного насилия), потому что никто не хочет, чтобы она всплыла и какой-нибудь Джо «Цыберпанк» Рандом размазал ее по всему интернету.

Эта теорема взламывает теорию дискретных данных и одновременно опровергает тезис Черча-Тьюринга (поднимите руку, если меня поняли), но хуже того – позволяет превращать NP-полные задачи в P-полные. Это вызывает ряд следствий, начиная с того, что большинство криптографических алгоритмов летят ко всем чертям (перевожу: «все ваши банковские счета принадлежат нам»), и заканчивая тем, что становится возможно в реальном времени генерировать геометрическую кривую Дхо-Нха.

Последнее следствие ненамного менее опасно, чем разрешить компьютерным фрикам в любой момент взмахнуть волшебной палочкой и превратить их ноутбуки в ядерные бомбы. Потому что верно, верно все, что вы знаете о том, как устроена Вселенная, – за исключением небольшой проблемы: видите ли, это не единственная вселенная, о которой нам следует беспокоиться. Информация может просачиваться из одной вселенной в другую. И в исчезающе малом числе других вселенных есть создания, которые слушают и могут ответить (см. Альтазред, Ницше, Лавкрафт, По и др.). Многоугольные, как их называют, живут на дне множества Мандельброта, если только подходящее заклинание в платоническом мире математики (с помощью компьютеров или без) не вызывает их сюда. (А вы-то думали, что фрактальный скринсейвер поможет сберечь монитор, да?)

Да, кстати, я же не забыл упомянуть, что обитатели этих иных вселенных не играют по нашим правилам?

Сам факт решения некоторых теорем вызывает волны в платоновском метaprостранстве. Остается подать хорошее напряжение на сеть, тщательно подогнанную под нужные параметры (которые, естественно, вытекают из геометрической кривой, о которой я говорил, а она, в свою очередь, легко выводится из теоремы Тьюринга), и можно на самом деле амплифицировать эти волны до тех пор, пока они не начнут пробивать огромные дыры в пространстве-времени, так что конгруэнтные сегменты прежде отдельных вселенных сольются. И вы точно не хотите оказаться в эпицентре такого явления.

Для этого нам и нужна Прачечная...

Я крадусь обратно в свой кабинет, заглянув по пути к кофеварке, откуда несу полную кружку густого и зловещего отвара, от которого у меня на задних зубах остается зернистый осадок. В закрытой трубе пневмопочты меня ждут три секретных уведомления, одно из них – о перерасходе казенной зубной пасты. И еще нужно прочесть сто тридцать два электронных письма. А на другом конце здания поломанный кластер «Beowulf» ждет, чтобы я установил новый хаб, заново запустил его и вернул в банду наших криптовзломщиков. Это мой крест – быть компьютерщиком в отделе: когда машины ломаются, я размахиваю мертвой курицей и пишу вудуистские заклęcia на клавиатуре, пока они снова не заработают. Это означает, что люди, которые их поломали, продолжают снова меня вызывать, а потом меня же и обвинять, когда сами же снова все обрешат.

Угадайте, что привлекает мое внимание прежде всего? Да, правильно: казенная белесо-зеленая стена за монитором. Не могу себя заставить даже почту разобрать, пока не проведу добрых пять минут, пялясь в пустоту. У меня плохое предчувствие, хотя вроде бы ничего катастрофического на горизонте не намечается; уверен, выйдет очередная пятница тринадцатое, хотя на дворе на самом деле дождливая среда семнадцатое.

Для начала – обворожительное письмо от Мэйри, просочившееся через один из моих электронных тайников. (Лучше не показывать ревизионному управлению, что я получаю на рабочий адрес личные сообщения, поэтому я и не показываю. Поскольку именно я и настроил в отделе брандмауэр, это не слишком трудно.) «Ты сопливый урод! Не смей больше у меня на пороге показываться!» Ну да, конечно! В последний раз я приходил к ней в выходные, когда ее не было дома, – только чтобы забрать свой тюбик казенной зубной пасты. Я каким-то образом преодолел искушение изгадить похабщиной зеркало в ванной, как это сделала Мэйри, когда приходила ко мне, чтобы экспроприировать стереосистему. Наверное, это был недосмотр с моей стороны.

Следующее письмо: распоряжение по больничным (за электронной подписью Хэрриет) сообщает, что, если отсутствие длится более получаса, необходимо брать справку у врача, желательно заранее. (И почему я вдруг чувствую приближение мигрени?)

Третье – слезная мольба от Фреда из бухгалтерии (это такой лузер, которому я имел неосторожность улыбнуться, когда в последний раз сидел на дежурстве в техподдержке): «Спасай! Не могу запускать файлы!» Фред не до конца овладел высоким искусством включения и выключения компьютера, зато умеет обходиться с электронными таблицами так, что может пострадать твоя зарплата. Когда он мне писал в прошлый раз, выяснилось, что он установил себе на жесткий диск устаревшую версию какого-то критичного софта и в итоге порушил все остальное, и, к тому же, имел наглость рассылать зараженные вирусом хохмы по всему отделу. (Я пересылаю мольбу о помощи в техподдержку, где штатный админ будет с ней разбираться и жестоко проклинать меня за то, что я проявил к Фреду доброту.)

Следующие пять минут я снова смотрю на облупленную сливочно-белую часть стены у себя за монитором. Голова у меня уже раскалывается, а из-за разных ограничений департамента охраны здоровья и труда у нас в здании даже аспирин нет. После вчерашнего глупого провала ничто из того, что я могу

сегодня сделать здесь, не вызывает и тени энтузиазма: у меня ужасное нутряное чувство, что, если я продолжу так сидеть, все станет только хуже. Кстати, я вчера переработкой отбил два трудодня, по закону я могу в их счет брать отгул, книжка по самосовершенствованию утверждает, что мне все еще положено оплакивать смерть своего хомячка, а кластер «Beowulf» может провалиться ко всем чертям.

Я выхожу из системы и ухожу домой раньше времени: вот так работают ваши налоги.

Уже восемь вечера, а голова у меня так и не прошла. Тем временем Пинки в подвале готовится вновь штурмовать законы природы.

Телевизор в гостиной Шато-Ктулху (гиковского дома, в котором я живу с Пинки и Брейном, они оба тоже работают на Прачечную) представляет собой чудесную игрушку для мозгов: его установил Пинки в отчаянной попытке хоть как-то уменьшить частотность проявлений креативного психоза на нашей территории. Думаю, это случилось во время одного из редких для него приступов вменяемости. Общая начинка включает кабельный декодер, спутниковую тарелку, Sony PlayStation и самодельный приемник для интернет-телевидения. Собрал все Брейн за полчаса. От скуки. Вся конструкция громоздится в углу, напротив бежевого вельветового дивана, точно черная постмодернистская скульптура, которая держится только на вермишели соединительных проводов; цель – создать зону разгрузки, где мы могли бы расслабиться после тяжелого рабочего дня, проверяя разные нью-эйджевые сайты, на случай если кто вдруг изобрел что-то опасное. Умственная работа может привести к серьезному мозговому истощению: если время от времени не ужираться пивом, или не накуриваться, или не смотреть угарный треш по телевизору, или не орать хрипло песни, можно докатиться до убеждения, что ты на самом деле Ёжик Соник, а старенькая миссис Симпсон, которая живет через дорогу, – Хвостатик. Может плохо кончиться, особенно если безопасность тебя отправит на принудительное лечение.

Я втыкаю в ящик с банкой пива в руке и коробкой пиццы на коленях, смотрю, как все летает и взрывается на канале Discovery, и вдруг слышу где-то под ковром ужасный вой. Сначала я не обращаю на него внимания, потому что на экране сейчас совершенно жуткая документальная драма об авиакатастрофе, но, когда звук не прекращается несколько секунд, понимаю, что даже апокалипсическая

стереосистема Пинки не способна выдавать такую громкость, и если я сейчас же что-нибудь не предприму, то могу просто провалиться сквозь перекрытия. Так что я неуверенно встаю и пробираюсь на кухню. Дверь в подвал открыта настежь, звук катится снизу; я хватаю огнетушитель, решительно иду вперед. И чувствую зловещий запах озона...

Шато-Ктулху – это типичный дом середины Викторианской эпохи, безликое лондонское строение, которое может похвастаться разве что тремя подвалами и разрешением на поселение сотрудников Прачечной, что означает, что в нем, скорее всего, нет жучков КГБ, ЦРУ или наших заклятых врагов – МИБ. Всего здесь четыре просторных спальни с замками на двери плюс общие кухня, гостиная, столовая и ванная. По ночам зловеще булькают трубы; ковер представляет собой неимоверно мрачный экземпляр с миндалевидным восточным узором, который был в моде году этак в 1880-м, а потом пережил незаслуженное возрождение в среде жадных домовладельцев в восьмидесятые.

Когда мы сюда въехали, в одном подвале лежали дрова, в другом – две ржавых велосипедных рамы и кучка окаменевшего кошачьего помета, а в третьем обнаружились огарки свеч и нарисованный синим мелом пентакль на полу. Все предзнаменования были добрыми: дом стоял точно на углу равностороннего треугольника улиц, проложенных по линии с востока на запад, и крыши с юга не перекрывали телеантенны. Брейн притворился священником и выторговал нам десятипроцентную скидку в обмен на экзорцизм, после того как убедил мистера Хусейна в том, что языческие обряды в подвале могут серьезно сократить прибыли на рынке съемного жилья. (Чушь, конечно, но полезная чушь!) Бывший храм теперь безраздельно принадлежит Пинки, и, если бы мистер Хусейн туда заглянул, его бы, наверное, хватил удар. И напугали бы его не ветвистые провода и не шестифутовый стеллаж, на котором Пинки разместил свою винтажную АТС «Strowger» родом из пятидесятых: Пинки заменил любительский рисунок мелом самодельной оптической установкой, откалибровал светоделители и пять призм – в общем, превратил студенческую пародию в совершенно рабочую схему.

(Да, это пентакль. Да, лазер он подключил к высоковольтному блоку питания на пятьдесят киловольт и громадным конденсаторам. Да, это козья шкура висит на вешалке, а недоеденная пицца вертится на фонографе «Linn Sondek» со скоростью тридцать три оборота в минуту. Вот с чем приходится мириться, когда живешь в одном доме с Пинки и Брейном: я предупреждал, что это гиковский дом, а мы все работаем в Прачечной, так что речь о гиках очень

эзотерической – даже, прямо скажем, оккультной – направленности.)

Запах озона – как и зловещий треск – идет от блока питания. Вой и визг издают звуковые колонки (черные монолиты, порожденные технико-инженерной школой 2001-го). Я на цыпочках обхожу подвал по стенке – дальней от блока питания, – поднимаю микрофон, лежащий перед левой колонкой, и выдергиваю шнур: оглушительный визг, затем звук прерывается. Да где же носит Брейна? Я смотрю на блок питания. Внутри пляшут сине-белые отсветы, и от них мне становится совсем не по себе. Если бы это был любой другой дом, я бы просто пошел к распределительному щитку и вытащил главный предохранитель, но рядом с этим агрегатом стоят конденсаторные батареи размером с небольшую стиральную машину, и я рискну обесточить их в темном подвале. Я поднимаю огнетушитель – не очень законную канистру с хладоном, совершенно необходимую в таком доме, – и приближаюсь. Главный переключатель – это здоровый рубильник на полке над блоком питания. Рядом стоит деревянный стул; я хватаю его за спинку и ножкой тяну рубильник вниз.

Раздается громкий «кляц» и одновременно с ним «бах» из блока питания. Ой, кажется, я спустил магию. Отбросив стул, выдергиваю чеку из огнетушителя и открываю огонь, не забывая стоять подальше от батарей. (Их нельзя оставлять с открытыми клеммами, они статический заряд вытянут из чистого воздуха; через полчаса, если положишь на них отвертку, лучше молись, что на ручке хорошая изоляция, потому что тебе точно понадобится новая отвертка, а если изоляция оплошает, то и парочка новых пальцев.)

Дым вьется тонкой ниткой, сворачивается противоестественно правильным пончиком под одинокой лампочкой. Из колонок раздается тихий смех.

– Что ты с ним сделал? – ору я, забыв, что отключил микрофон.

Пентакль на оптической установке обесточен, но на банке рядом с ним красуется ярлык «Прах из Гробницы Мумии (собственность Крематория на Винчестер-роуд)», и не нужно быть некромантом, чтобы понять, что это значит.

– С кем сделал?

Я чуть до потолка не подпрыгиваю и оборачиваюсь. В дверях стоит Пинки: он поддерживает джинсы рукой и выглядит очень недовольным.

– Я на толчке сидел, – сообщает он. – По какому поводу шумим?

Я молча указываю на блок питания.

– Ты же не... – Он осекается, потом хватается руками за жидкие волосы: – Мои конденсаторы! Сукин ты сын!

– Когда в следующий раз соберешься сжечь дом и/или вызывать безымянное чудовище из бездны, не имея соответствующей защиты, предупреди меня заранее, чтобы я успел выбрать другой континент, на который перееду жить.

– Они по полсотни фунтов стоят на Кэмденском рынке!

Пинки встревожено склоняется над блоком питания, однако беспокойство, по-видимому, было не настолько сильным, чтобы касаться его без изолирующих перчаток.

– Не важно. Сначала я услышал в резонансе вой. Если ты не выключаешь установку, прежде чем откликнуться на зов природы, не удивляйся, если мадам Природа явится на зов сама.

– Вот блин. – Пинки качает головой. – Можно я возьму твою лазерную указку?

Я поднимаюсь наверх и снова сажусь смотреть свою авиакатастрофу. В такие дни я начинаю думать, что нужно бы найти соседей получше – если бы только список разрешенных внутренней безопасностью жильцов был длинней.

2. Расследование

К середине второго дня курса, на который отправил меня Энди, я уже превысил все лимиты по скуке. За кафедрой тесной аудитории наш лектор повествует о том, как вызывать и связывать силы из бездонных глубин. Такой нудятины можно воспринять за раз только ограниченное количество, и мыслями я уже унесся за миллион километров отсюда.

– Помните: все великие круги следует разрывать. Оборванные каналы порождают сильные шумы в контуре, поэтому к каждому нужно присоединять конденсатор, чтобы погасить эхо; примерно, как на компьютерной шине SCSI или в локальной сети. В случае великого контура Альхазреда терминатором изначально служил черный козел: его приносили в жертву в полночь серебряным ножом, которого касались лишь целомудренные, но в наши дни мы просто ставим конденсатор на пятьдесят микрофард. Эй, Боб! Ты там уснул? Послушай совета: не спи. Проспишь важное, напутаешь с терминаторами и смеяться будешь внутренней стороной лица, потому что лицо у тебя окажется на другой стороне головы. Если голова уцелеет, конечно.

Чертовы теоретики...

– Да, конечно, – говорю я вслух.

Мы с Брейном это уже проходили: электрические великие круги – паршивая штука, лучше держаться от них подальше, если у тебя есть доступ к приличным лазерам и стабилизированной платформе. Электричество, которое веками оставалось главным оружием экспериментаторов-виталистов, давно устарело, но вот такие умники из башен из слоновой кости по-прежнему предпочитают пользоваться им для своих исследований (ведь оно так известно и понятно!); нет бы попробовать работать с современными геометрическими движками – они ведь используют свет, у которого нет таких гнусных побочных эффектов, как у электрических кругов. Британская школа во всей красе. А вот в Штатах, когда не нужно устраивать идиотские обманки с «дистанционным наблюдением» для пресс-службы, Черная комната уже всю экспериментирует с большим лазером «Nova» в Лос-Аламосе, а все думают, что они там занимаются бомбами. А нам тут дают поиграть с безопасным оптоизолированными геометрическими движками и призывными кластерами? Дудки! С нами старенький доктор Вольт и его отмороженный напарник, мистер Ампер, и не дай бог попасть под шлейф заземления, когда работает оккультный сердечник.

– Ладно, сейчас устроим перерыв, а когда вы вернетесь примерно через пятнадцать минут, пойдем дальше: пора продемонстрировать вам азы связывающих заклятий. Вечером мы будем говорить о последствиях бесконтрольного призыва.

(Бесконтрольные призывы – это ПЛОХО. В лучшем случае кто-то умрет, а в его мозгах поселится чуждая сущность, в худшем – получишь физический портал в иной мир. Так что не делайте так, ладно?)

Лектор хлопает в ладоши, смахивает с них невидимую меловую крошку, а я встаю и потягиваюсь – а потом вспоминаю, что нужно закрыть папку. Существенная разница между этим курсом и нудным предметом в университете заключается в том, что весь материал здесь засекречен по третьей статье, и кара за то, что ты позволил кому-то заглянуть в свои записи, будет очень суровой.

На полпути между двумя аудиториями расположена комната ожидания, выкрашенная казенной капустно-зеленой краской и уставленная безвкусными модульными скамьями такого вырвиглазного буро-оранжевого цвета, что я невольно думаю о семидесятых. Кофейному автомату прямая дорога в антикварный магазин: не удивлюсь, если он заводной и на шестеренках. Мы покорно выстраиваемся в очередь и возимся, чтобы отыскать обязательные монетки по двадцать пенсов. Потрепанный и пожелтевший плакат на стене напоминает нам, что «БОЛТУН – НАХОДКА ДЛЯ ШПИОНА». Может даже, это своего рода ирония или сардонический профессиональный юмор, но я бы на это не рассчитывал. (Берик-апон-Туид до 1992 года продолжал воевать с царской Россией, и я ничуть не удивлюсь, если узнаю, что какой-нибудь смутный департамент Уайтхолла – например, отдел шиномонтажа службы технического контроля электроподъемников в министерстве транспорта – до сего дня не на жизнь, а на смерть бьется с Третьим Рейхом.)

Когда работаешь в Прачечной, поневоле узнаешь самые своеобразные несуразности нашего дипломатического наследия – видишь призраки минувших войн, которые, если потребуется, будут разбужены одним щелчком. Никогда не жившее спит мертвым сном, пока не пробудится, и не только мы, обитатели старомодного пространства-времени по Эйнштейну, умеем заключать договора, верно?

Один из курсантов подходит ко мне и улыбается трупной улыбкой. Я смотрю на него и с трудом сдерживаю желание отодвинуться подальше: это Фред из бухгалтерии, тот самый, что все время ломает свой компьютер и потом хочет, чтобы я его починил. Ему слегка за пятьдесят, у него сухая пергаментная кожа (кажется, что гигантский паук высосал из него все соки), и он надел костюм и галстук на второй день пятидневного курса – словно явился из другого

десятилетия. И костюм выглядит так, будто он в нем спит, если не живет – в смысле, так, будто он его уже второй раз заложил и третий год ремонтирует.

– Невзлюбил вас доктор Фольман, да?

Мне остается только сопеть и все-таки отодвинуться.

– Метафорически или эротически?

На лице Фреда возникает озадаченное выражение:

– Как-как? Метаформически? Нет, я о том, что характер у него паршивый, вот и все. – Он заговорщицки наклоняется ко мне: – Я тут ничегошеньки не понимаю. Сам не знаю, зачем я тут, но у нас учебный бюджет недорасходуется. Нужно было потратить курсовые кредиты, иначе в будущем году не дадут. Ирен пошла изучать евнухическую тропологию, что бы это ни значило, а меня направили сюда. По жеребьевке. Но мне это как свинье апельсины. А вот вы вроде как интеллектual. Вы, наверное, понимаете, что тут происходит, и можете мне пояснить...

– М-м?

Я пытаюсь спрятаться за стаканчиком с кофе и умудряюсь обжечь пальцы. Пока я ругаюсь, Фред каким-то образом оказывается у меня за левым плечом.

– Понимаете, Торсун из отдела кадров мне сказал, мол, отправляем тебя, чтоб ты потом стал в отделе сисадмином, а то эти умники из техподдержки нам очки втирают. Но Его Фольмичество только шутки шутит про дьявола, и черных козочек, и ножи. Он что, один из этих, как их, сатанистов, про которых нам четыре года назад рассказывали?

Я стараюсь дематериализоваться как можно незаметнее.

– Я не уверен, что этот курс вам подходит, Фред. Он быстро переходит к практической части, и это опасно, если вы не знакомы с лабораторной техникой безопасности. Вы уверены, что хотите тут остаться?

– Уверен? Ну да! Конечно, уверен! Просто курс мне не нравится. Во-первых, где же сроки соглашения и условия поддержки? Это же самое главное. Хотя с дьяволом, но договор есть договор: нужно сначала узнать, кому звонить, чтобы получить настоящую техническую поддержку. И разве ГБЭК допустила использование всего этого оборудования в правительственных сетях?

Вздыхаю.

– Поговорите с доктором Фольманом, – советую я и не очень вежливо отворачиваюсь.

Хотя бы один человек, который ошибся курсом, находится всегда, но мы уже второй день учимся, а он до сих пор ничего не понял – это же рекорд, наверное?

Все допивают кофе, курильщики магическим образом выныривают из своего тайного подпространства, и мы маршируем обратно в аудиторию. Лектор – доктор Фольман – прикатил дряхлую испытательную установку; выглядит она так, будто пара катушек Теслы занимаются любовью с мостом сопротивления рядом с распределительной коробкой, которую, мамой клянусь, выковыряли из «Моррис-Майнора» 1948 года. Жила на пентакле – из настоящего, хотя и потемневшего от старости, серебра.

– Итак, кофе в сторону: сейчас мы применим кое-что из того, о чем говорили до перерыва, на практике.

Фольман очень деловой – мчится по учебному плану с ретивостью прирожденного школьного учителя:

– Мы попробуем провести малый призыв – заклятье третьего типа – по координатам, которые я написал на доске. В итоге мы должны получить первичную материализацию безымянного ужаса, но это будет вполне управляемый безымянный ужас – до тех пор, пока мы соблюдаем разумные меры предосторожности. Следует ожидать неприятных визуальных искажений и проторазумной болтовни, но ужас, по сути, ничуть не разумней репортера «Мировых новостей» и серьезной угрозы не представляет. Тем не менее не следует считать его безопасным: вы вполне можете погибнуть, если будете пренебрежительно обращаться с оборудованием. На случай, если вы забыли: по контуру пойдет ток в пятнадцать ампер с напряжением в шестьсот вольт, а

основная плата изолирована и точно ориентирована по магнитной оси север – юг. В этом призыве мы используем геометрию модифицированного пространства Минковского – она выводится, если приравнять число Π к четырем; фрактальных измерений нет, но все немного усложняется, поскольку пространство, в котором мы расчерчиваем эту диаграмму, заполнено люминофорным эфиром. Пожалуйста, подходите ближе, вы все должны стоять внутри защитного кордона, когда я подам напряжение на контур. Манеш, будьте добры, включите знак «ВХОД СТРОГО ВОСПРЕЩЕН»...

Мы собираемся вокруг установки. Я держусь в задних рядах. Я уже видел подобные эксперименты – да что там, даже проводил в подвале Шато-Ктулху куда более экстравагантные. По сравнению с умопомрачительно сложными призывами, которые Брейн сооружает на своей лазерной панели, это все азбука для начинающих, просто официальная галочка в моем личном деле. (Я вам рассказывал о своем друге, которого не взяли на должность младшего научного сотрудника из-за квалификации? И докторская степень ему не помогла – в требованиях вакансии значилось «три зачета в аттестате о получении среднего образования», а он все свои школьные сертификаты потерял давно. Вот так устроена госслужба.)

Но вот за другими понаблюдать и правда интересно, ничего не скажешь. Бэбс, блондинка с химзавивкой и большими тяжелыми очками на носу, смотрит на установку, как на неразорвавшуюся бомбу; ей это все, похоже, в новинку, а еще она слишком сильно впечатлена «Экзорцистом», так что ждет, что в любой момент головы начнут вертеться на шеях и польется зеленая слизь. (Фольману бы сказать всем, что для этого у нас есть эктоплазмы. На начальство это производит неизгладимое впечатление. Но это другой курс.) Джон, Манеш, Дипак и Майк ведут себя как заскучавшие технари на очередном тренинге, который позволит неделю не появляться на рабочем месте, почти отпуск. Фред из бухгалтерии явно ничего не понимает, будто мозги дома забыл, а Келли испытала неотложную нужду припудрить носик. Не могу ее винить; это такой прикольный эксперимент – ну, как показывать в лаборатории термитную реакцию: она может и в лицо выстрелить. На всякий случай становлюсь так, чтобы огнетушитель оказался ровно в двух шагах сзади и одним шагом вправо от меня.

– Хорошо. Теперь прошу внимания. Ни в коем случае не касайтесь контура. Ни при каких обстоятельствах не издавайте ни звука после того, как я начну заклинание. Под страхом смерти не выходите за пределы красного круга на полу

– здесь мы стоим на заземленной коробке, но если выйдем из нее...

Топология – это главное. Призыв – штука довольно простая: создаешь узел-аттрактор в точке А. Антиузел располагаешь в точке В. Становишься в одной из них, даешь напряжение на контур – и что-то появляется на другой. Главный финт в том, что нужен человек-наблюдатель – это нельзя сделать на дистанционном управлении. (Тут нужно вставить кусок про квантового котика, «коллапс волновой функции» и противостояние «Друга Вигнера» и «Фронта освобождения животных».) И лучше надеяться, что ты встал в правильный круг, иначе рискуешь узнать о прикладной топологии куда больше, чем мечтал, – например, как выглядит Вселенная, когда тебя вывернуло наизнанку.

Но все не так плохо, как может показаться. Для пущей безопасности можно поставить в суперпозицию узел-аттрактор и защитную клетку, чтобы запереть там призванную силу – тогда они не смогут добраться до нас на антиузле. Вот почему герр доктор Старые-Шрамы-С-Дерьмовым-Характером Фольман вывез установку точно в центр красной пентаграммы, нарисованной на полу аудитории, и предписал нам стоять в ней.

Конечно, чтобы добраться до огнетушителя, мне придется выйти из круга...

– А это всё точно одобрено комиссией по охране труда и жизнедеятельности? – спрашивает Фред.

– Тишину, пожалуйста, – веско произносит Фольман и прикрывает глаза, явно готовясь начать активацию. – Напряжение. – Он поднимает рубильник, и зажигается свет. – Контур два. – Он нажимает кнопку. – Есть там кто-нибудь?

Я фокусирую взгляд на серебряной пентаграмме. Под ней горят лампочки, выставленные на плате из древесины виселицы (б/у); главное – правильная настройка. По краям поля зрения будто клубится зеленый туман.

– Три.

Фольман нажимает другую кнопку, а затем вынимает из кармана бумажный пакетик. Разорвав его, показывает стерильный ланцет, который без колебаний вонзает в подушечку большого пальца левой руки. Волоски у меня на шее встают дыбом, когда он стряхивает капельки крови на аттрактор и они

отскакивают от воздуха над одним из проводов, катятся шариками обратно к центру и зависают в футе над ним, вибрируют, как жидкие рубины во флуоресцентном освещении.

– «Есть там кто-нибудь?» – передразнивает Фред. У него на лице вдруг возникает ухмылка. – Отличная шутка! Я даже почти поверил! – Он протягивает руку вперед, к капельке крови, и я чувствую звенящее напряжение в воздухе вокруг нас – и вдруг ощущаю приближение головной боли, словно перед магнитной бурей.

– Нет! – взвизгивает Бэбс, но уже слишком поздно, и она сама это понимает.

Я вижу лицо Фольмана. На нем застыла маска первобытного ужаса: он и пальцем не смеет шевельнуть, чтобы остановить Фреда, поскольку, прикоснувшись к нему, только увеличит зону заражения. Фреду уже конец, и последнее, что следует делать с человеком, который схватился за проводник под высоким напряжением, – это хватать его и оттащить. Сделать это, конечно, можно, но это будет последнее действие в вашей жизни.

Фред стоит неподвижно, рукава его пиджака дрожат, словно под ними сокращаются одновременно все мускулы. Его рука замерла над аттрактором, и капелька крови начинает смещаться к кончикам его пальцев. Он по-прежнему улыбается, как человек, который поставил ногу на контактный рельс в подземке, прежде чем брызнут искры и повалит дым. Он открывает рот.

– Да, – говорит он высоким, чистым, чужим голосом. – Мы здесь.

В глазах у него извиваются мерцающие червячки.

– А потом ты что сделал? – спрашивает Борис.

Я откидываюсь на спинку стула и смотрю на изгибы дымного дракона под лампами дневного света. Несколько секунд не могу заставить себя заговорить: в горле стоит ком, и это не из-за дыма.

– Очень быстро проанализировал ситуацию. Как нас учили: по методу СКОК. Смотреть, критически оценивать, калибровать. Фред заземлил защитное поле, и его захватила призванная сущность третьего уровня. Такие сущности неразумны, но в их вселенной базовое время течет намного быстрее, чем у нас; как только он вошел внутрь поля, они картографировали его нервную систему и взломали ее, как ржавый замок. Полное одержание за две – пять миллисекунд.

– Но что ты сделал? – настойчиво говорит Энди.

Я сглатываю.

– Ну, я стоял напротив него, и он заземлил удерживающее поле. К этому моменту ни аттрактор, ни антиузел уже не работали, так что мы все были под угрозой. Очевидная цель первого калибра – быстро прекратить одержание. Чтобы это сделать, нужно физически нейтрализовать одержимого, прежде чем сущность сможет выстроить глубинную систему защиты. Меня смущала электрика, так что я заранее посмотрел, где огнетушитель, вот его я и схватил первым делом.

– Это первое, что попало под руку? – уточняет Борис.

– Да.

Энди кивает:

– Будет собрана следственная комиссия. В принципе это все, что нам нужно было знать. Совпадает с тем, что мы слышали от других свидетелей.

– Он сильно пострадал?

Энди отводит глаза. Мои руки дрожат так, что чашка с кофе стучит по блюдцу.

– Он мертв, Боб. Мертв с того момента, как пересек черту. Ты и все остальные тоже погибли бы, если бы ты не прокомпостировал ему билет на тот свет. У тебя есть один коллега, которого там не было, двое, которые не поняли, что происходит, и пятеро – включая лектора, – которые клянутся, что ты спас им жизнь. – Он снова смотрит на меня: – Но из-за того, что есть человеческая

жертва, мы все равно должны провести тебя через расследование. У него были жена и двое детей, так что нужно оформить пенсию и уладить все прочие формальности.

– Я не знал.

Я замолкаю, чтобы не ляпнуть глупость. Фред был противным типом, но кто из нас солнышко? Мне тошно думать о последствиях случившегося. Может, если бы я объяснил ему все на перерыве, похлопал его по спине и отправил искать курс, который помог бы потратить выделенные на отдел кредиты без риска для жизни...

Мои размышления прерывает Энди:

– Да, дело паршивое. Как всегда, когда что-то идет под откос при исполнении. Скажу прямо: думаю, в этом случае расследование будет формальное – и ты из него выйдешь даже с благодарностью в приказе. Но пока, боюсь, тебе нужно возвращаться к себе в отдел, где Хэрриет официально известит тебя, что ты отстранен от службы на полной ставке до окончания расследования и возможного дисциплинарного взыскания. Пойдешь домой и будешь там сидеть до следующей недели, а потом мы попробуем все максимально ускорить. – Он откидывается на спинку стула и вздыхает: – Паршиво, конечно, спору нет, но тут никак не срежешь. Так что советую считать, что это у тебя внеочередной отпуск. Отдохни, соберись, подготовься. Потому что после расследования мы вернемся к твоей заявке о переводе на действительную службу в полевых операциях и, думаю, будем готовы ее удовлетворить.

– А? – Я чуть не вскакиваю.

– На девяносто процентов действительная служба состоит из бумажной работы. Ты справишься, даже если эта шляпа тебе не по размеру. Еще девять процентов – сидеть в кустах, пока дождь хлещет тебе за воротник, гадая, какого черта ты тут забыл. И только оставшийся процент – несколько секунд паники и опасности; вот с ним трудно справиться, и я думаю, что ты только что продемонстрировал, что ты это можешь. До такой степени, что лично я бы тебя взял. – Энди поднимается. – Если хочешь.

Я тоже встаю.

– Я подумаю об этом.

Я выхожу за дверь, прежде чем изо рта польются ругательства: выражение лица Фреда никак не выходит у меня из головы. Я никогда раньше не видел, как умирают люди. Особенно насильственной смертью. Мне бы радоваться, узнав, что меня возьмут на полевые операции, и, если бы этот разговор состоялся вчера, я бы радовался. Но сейчас мне просто хочется проблеваться где-нибудь в углу.

Дома я обнаруживаю на кухне Брейна, который пытается приготовить яичницу, не разбив яиц.

На улице дождь, и за время короткой перебежки от станции метро до двери куртка промокла насквозь; восславим же вновь невидимую благодать контактных линз, без которых я смотрел бы на мир через мокрые очки.

– Привет, – говорит Брейн. – Подержи, пожалуйста.

Он протягивает мне яйцо. Я смотрю, выпучив глаза.

Кухонная столешница у нас обычно не отличается чистотой, но сейчас блестит, как операционный стол крайне привередливого хирурга. На одном краю лежит шприц, наполненный чем-то серым и непрозрачным, похожим на жидкий цемент. На другом расположился кухонный комбайн: система аварийного отключения взломана, а к приводу, который в нормальном состоянии приводил в движение нож, прикручено нечто, до ужаса напоминающее половину электромотора. С меня капает вода, а я просто пялюсь на все это как идиот: даже на фоне других проектов Брейна этот – явно ненормальный. Я возвращаю ему яйцо:

– Я не в настроении.

– Да ладно. Просто подержи.

– Я серьезно. Меня отстранили до конца расследования.

Я расстегиваю молнию и позволяю куртке упасть на пол.

– Конец игры, приоритетное прерывание, ошибка сегментации.

Брейн склоняет голову набок и смотрит на меня большими яркими глазами, будто слегка чокнутый филин:

– Правда?

– Ага.

Я выискиваю банку с кофе и начинаю бросать в кофейник одну ложку за другой.

– Вода в чайнике?

– Отстранили? Ставку оставили? За что?

И еще чуть-чуть кофе.

– Да, оставили. Спас жизнь семерым, включая себя. Но восьмого потерял, поэтому будет служебное расследование. Говорят, мол, формальность, но...

Щелк! Чайник загудел и начал готовиться к превращению в паровую машину.

– Это все на учебном курсе?

– Ага. Фред из бухгалтерии. Он заземлил призывную цепь...

– Полиция генов! Выйти из фонда! Немедленно!

– Не смешно.

Брейн снова смотрит на меня, его веселость испаряется.

– Да, Боб, не смешно.

Опять протягивает яйцо.

– На, поддержи, умоляю.

Я беру яйцо и чуть его не роняю: оно горячее и кажется немного жирным на ощупь. Чувствует легкий запах серы.

– Да какого черта?..

– Только на секунду, обещаю.

Брейн вытаскивает грубо сделанную медную катушку (провода намотана на пластиковый нож для торта и присоединена к какому-то устройству) и быстро проводит ей над яйцом и вокруг моего запястья.

– Вот. Теперь яйцо размагничено.

Он откладывает катушку и забирает яйцо из моей помертвевшей руки.

– Узри первый прототип идеальной и целостной внутрискорлупной яичницы.

Брейн надбивает яйцо о край столешницы, и наружу выпадает плотная желтая творожистая масса. Запах серы становится сильнее, щекошет ноздри, как после фейерверка.

– Он еще на этапе разработки – пришлось использовать шприц, но следующим пунктом у меня значится гелево-диффузный электрофорез с использованием коагулированных агглютинатов гемоглобина с последующей полимеризацией роторных элементов *in ovo*. Так как твой любимый лузер умудрился самодарвинизироваться?

Я подтягиваю к себе мусорное ведро и сажусь. Неужели Брейн не так зациклен на себе, как кажется? По крайней мере, он задал вопрос даже с некоторым тактом.

– Знаешь, всегда есть человек, который ошибся курсом. Это был тот тупой бухгалтер, на которого я все время жаловался. Он по ошибке записался на курс

«Введение в оккультную информатику». Мне там тоже было нечего делать, но Хэрриет убедила Энди, что мне туда нужно; наверное, мстит мне за прошлый месяц.

У Хэрриет возникли тогда проблемы с электронной почтой, и она спросила у меня совета; я даже не знаю, что там пошло не так, но в итоге она профукала пять дней из учебного бюджета отдела на курсе по настройке почтовых систем. Только недели через три перестала дергаться, когда кто-то при ней говорил слово «правила».

– В общем, это, наверное, стоит рассматривать как яркий пример радикальной аутогенной делузерификации, но...

Я понимаю, что замолчал, и вздрагиваю:

– У него в глазах было полно червей.

Брейн молча поворачивается и начинает шарить в шкафчике над раковиной. Оттуда он извлекает большую бутылку с надписью: «Дренажная жидкость», ополаскивает пару надбитых чашек с сушки и наполняет их из бутылки.

– Пей, – приказывает он.

Я пью. Это не хлорка: глаза у меня не вылезают на лоб, горло не обжигает огнем, а большая часть жидкости не испаряется с языка.

– Что это такое?

– Жирорастворитель, – подмигивает Брейн. – Чтобы Пинки туда отросточек свой не запустил.

Я ошеломленно подмигиваю в ответ. Наверное, это все-таки значит не совсем то, что Брейн имеет в виду, но, если я ему об этом скажу, он мне больше не нальет, так что пусть остается в неведении. Сейчас во мне крепнет непреодолимое желание надраться, которое он, кажется, ощутил. Если я надерусь, можно будет не думать. И хорошо же будет некоторое время не думать.

– Спасибо, – говорю я так проникновенно, как только могу: это ведь все-таки секрет Брейна, и он им со мной поделился.

Я даже тронут, и, если бы я всякий раз, закрывая глаза, не видел ухмылку Фреда, я бы, наверное, расчувствовался. Брейн пристально смотрит на меня:

– Думаю, я знаю, что тебе нужно.

– И что же?

– Тебе нужно, – говорит он, снова наполняя чашку, – насвинячиться. Немедленно.

– Но как же твой... этот...

Я неловко машу рукой в сторону столешницы. Брейн пожимает плечами:

– Это только первичный успех. Потом доведу его до ума.

– Но ты же занят, – возражаю я, потому что вся эта ситуация совершенно не похожа на обычного Брейна – в худшие дни он вообще почти аутист: то, что он обратил внимание на чужие переживания, – слегка жутковато.

– Да я только хотел эмпирически доказать, что можно приготовить яичницу, не разбив яйца. Это же просто дурацкая пословица или глупый практический эксперимент, а вот ты – реальный случай, да к тому же классический. Ты разбился, когда предотвращал прорыв похитителей тел на нулевом рубеже, так что, я думаю, нужно проверить, сможет ли тебя собрать обратно вся королевская конница и вся королевская рать, ну, или, по крайней мере, немного тебе помочь. А потом ты мне поможешь с яичным проектом.

Стаканом в него я бросать не стал. Пусть лучше еще нальет.

Через неопределенное, но не нулевое количество почти полных чашек водки появляется Пинки – высокий, неуклюжий и слегка взволнованный. И с порога спрашивает, где находится ближайший книжный.

– А что?

– Для племянника.

(У Пинки есть брат и невестка, которые живут на другом конце Лондона и недавно размножились.)

– И что ты хочешь ему купить?

– Азбуку и Библию.

– Зачем?

– Азбука – это подарок на крещение, а Библия нужна, чтоб я дорогу в церковь нашел.

Брейн только стонет, а я в пьяном угаре лезу за диван, чтобы отыскать мягкую пулю для нерфа, но они все, похоже, провалились в пространственно-временной тоннель, который ведет на планету потерянных скрепок, карандашей и не подлежащих замене деталей диковинных игрушек.

– А что у вас тут происходит?

– Я отвлекся от своего коварного плана, чтобы помочь Бобу насвинячиться, – объясняет Брейн. – Его нужно отвлечь, и этим я по мере сил занимался, когда ты пришел и сменил тему.

Он встает и бросает в Пинки леденцом, но тот уклоняется.

– Я не об этом: на кухне странно пахнет, а что-то... э-э-э... сквамозное и ругозное... – Это в нашем доме кодовые слова, так что всем приходится поднять руки к подбородку и пошевелить пальцами, изображая щупальца Ктулху. – ...и такое, желтое, попыталось сожрать мой ботинок. Что за дела?

– Ну да. – Я безуспешно пытаюсь снова сесть: один из ремней в диване лопнул, и он теперь пытается меня проглотить. – Что это вообще такое на кухне?

Брейн поднимается:

– Узрите же... ик!.. Я опровергаю закон природы, а именно утверждение, что нельзя приготовить яичницу, не разбив яйца! У меня есть поварный клан...

Пинки швыряет несколько смятый, но ранее явно сферический омлет ему в голову, но Брейн пригибается, так что снаряд врезается в стойку с фильмами и отскакивает.

– У меня есть коварный план, – продолжает Брейн, – который, если вы дадите мне закончить...

Я киваю. Пинки перестает высматривать, чем бы еще в него бросить.

– Так-то лучше. Вопрос в том, как взбить яйцо для омлета, не разбивая скорлупу, а затем зажарить его изнутри, верно? Вторую проблему решает микроволновка, но взбить-то все равно нужно. Обычно для этого требуется яйцо разбить, но я обнаружил, что, если ввести внутрь намагниченный железный порошок в лецитиновой эмульсии, а потом разместить во вращающемся магнитном поле, белок можно взбить вполне эффективно. Следующий шаг: сделать это, не нарушая целостности скорлупы, – погрузить яйцо в суспензию с какими-нибудь крошечными ферромагнитными частицами, а затем использовать электрофорез, чтобы загнать их внутрь, а потом придумать, как заставить их сложиться в яйце в длинные, намагниченные цепи. Пока понятно?

– Безумие, чистое безумие! – восклицает Пинки, подпрыгивая на месте. – Что будем делать сегодня, Брейн?

– То же, что и всегда, Пинки: попробуем захватить мир!

(Современной кухни.)

– Но мне нужно купить две книги, пока магазин не закрылся, – заявляет Пинки, и чары рассеиваются. – Надеюсь, тебе уже лучше, Боб. До встречи, ребята.

И он убегает.

– Эх, только зря распинался, – вздыхает Брейн. – Нет в нем стойкости. Однажды вообще остепенится и превратится в нормального человека.

Я мрачно смотрю на соседа и гадаю, зачем я вообще терплю всю эту чушь. Вот он, прообраз моей жизни, сияет в двухмерной славе своей, но под таким углом, под каким я ее обычно не вижу, – и вид мне не нравится. Я как раз собираюсь это сказать, когда начинает чирикать телефон.

Брейн снимает трубку, и его лицо каменеет.

– Это тебя. – Он протягивает мне телефон.

– Боб?

Другая рука начинает дрожать, потому что мне не нужно бы этого слышать, хоть где-то в глубине души и хочется.

– Да?

– Это я, Боб. Ты как? Мне рассказали...

– Дерьмово, – слышу я собственный голос, хоть крошечная трезвая часть сознания и орет на меня благим матом; забиваю на реальность, закрывая глаза. – Это было ужасно. Кто тебе рассказал?

– Люди судачат.

Лицемерка. У Мэйри больше щупалец, чем у кальмара, и она глубоко запустила их в дебри Прачечной.

– Слушай, ты в порядке? Тебе что-то нужно?

Я открываю глаза. Брейн смотрит на меня холодно и пессимистично.

– Я тут капитально напиваюсь. А потом планирую проспять неделю.

– Ох, – тихонько вздыхает она, и звучит это так мило и нежно, как никогда. – Тебе плохо. Можно я зайду?

– Да.

Замечаю краем глаза, как Брейн давится своим жирорастворителем.

– Две головы хорошо, а три лучше. – Мой голос звучит безучастно. – Повеселимся.

– Повеселимся, – откликается она и вешает трубку.

Брейн смотрит на меня осуждающе:

– Ты совсем рассудка лишился?

– Вполне вероятно.

Я залпом выпиваю содержимое своей чашки и тянусь за бутылку.

– Да она же психопатка.

– Вот и я себе то же самое говорю. Но после слезного примирения будет страстный секс на полу спальни, а потом вопли и швыряния пентаклями, а потом она наконец меня бросит в четвертый раз, и тогда уж у меня будет настоящая, глубоко личная причина для депрессии, а не вот эта ерунда – «я должен был всех спасти».

– Только в подвал ее больше не пускай, – говорит Брейн и неуверенно поднимается. – А теперь, с твоего позволения, мне нужно приготовить яичницу...

НЕДЕЛЮ СПУСТЯ:

– Это автоматический пистолет M11/9, американский, производства «S&W Daniels». На случай, если ты не понял, это огнестрельное оружие. Предназначен

для девятимиллиметровых патронов и подогнан под магазин STEN. У него очень высокая скорострельность – 1600 выстрелов в минуту, начальная скорость – 350 метров в секунду, емкость магазина – тридцать патронов. Этот цилиндр – безблендовый двухкомпонентный прибор бесшумной стрельбы, а вовсе не то, что тебе в кино показывали как «глушитель». Он не делает выстрел совсем бесшумным, но срезает звук примерно на тридцать децибелов для первой сотни патронов. Об этом пистолете тебе нужно знать три вещи. Первое: если кто-то его на тебя направил, делай все, что тебе скажут. Второе: если увидишь такой где-нибудь на земле, не поднимай, если не знаешь, как его правильно носить. А то можно ногу себе отстрелить по ошибке. Третье: если такой пистолет тебе понадобится, позвони на коммутатор Прачечной и попроси 1-800-SAS – наши парни с радостью помогут, они с такими пистолетами практикуются семь дней в неделю.

Гарри не шутит. Я киваю, делаю заметки, а он кладет пистолет-пулемет обратно на стойку.

– А теперь... расскажи мне про это.

Едва кинув взгляд, на автомате оттарабаниваю:

– Рука славы, класс три, одноразовая, пятизарядная, зеркало в основании для обеспечения когерентного излучения вместо общей невидимости... по виду не на боевом взводе, максимальная дальность – пределы прямой видимости, активация – установленное слово силы.

Закончив, кошусь на своего учителя:

– А вам разрешается пользоваться такими штуками?

Гарри откладывает руку славы и снова аккуратно берет M11/9. Сдвигает переключатель на боку, оглядывается, чтобы убедиться, что рядом никого нет, направляет на мишень и давит на спусковой крючок. Оглушительный треск очереди, затем звон медных гильз по бетонному полу.

– Теперь ты! – кричит он.

Я поднимаю руку славы. На ощупь она холодная и будто вощенная, но код активации выложен серебром на спиленном запястье. Я становлюсь рядом с Гарри, целюсь, концентрируюсь на активационном слове, зная, что иногда уходит несколько секунд, чтобы...

УАМП!

– Хорошо, – сухо говорит он. – Ты понимаешь, что потребовалась смертная казнь в Шаньси, чтобы создать эту штуку?

Я чувствую легкую дурноту и откладываю руку.

– Я только один палец использовал. И вообще, я думал, наши поставщики используют орангутанов. Что случилось?

Он пожимает плечами:

– Спроси у зоозащитников с плакатами.

Я не вернулся на службу: меня отстранили с сохранением ставки. Но, по словам Бориса «Крота», в нашем бюрократическом лабиринте есть лазейка, которая позволяет мне посещать учебные курсы, на которые я был записан до того, как меня отстранили, и оказалось, что Энди направил меня на полный шестинедельный курс предполевой подготовки: часть его проходит в городке, который когда-то назывался Данвич, а часть – в нашем собственном невидимом колледже в Манчестере.

В полный курс входят: юридическая и этическая программа (в том числе первое правило международных отношений: «Делай все, что тебе говорит этот милый человек с дипломатическим паспортом, если не хочешь случайно начать Третью мировую войну».); правила использования наличных расходных фондов; основы внешнего наблюдения; составление табелей учета рабочего времени; как дать знать, что за тобой хвост или ты под колпаком; командировочные предписания; замки и системы безопасности; убытки и списания; как взаимодействовать с полицией («Ваше удостоверение поможет выбраться из большинства скользких ситуаций, если они дадут вам время его предъявить».); компьютерная безопасность (сейчас со смеху помру); запросы на приобретение ПО; основы тавматургической техники безопасности (снова здорово) и использование

оружия (начиная с железного правила: «Используйте, только если нет другого выхода и если умеете с ним обращаться»). Вот так я и оказался в тире с «Конем» Гарри, лысеющим парнем средних лет с повязкой на глазу; он явно не против того, чтобы разнести мишень из пистолета-пулемета, но почему-то удивлен, что я умею обращаться с РС-3.

– Ладно, – ворчит он, вынимает магазин из своего пистолета и аккуратно кладет его на стойку. – В таком случае, наверное, не будем тебя записывать на огнестрельное, а направим на ПКНВВ-2 – подтверждение квалификации, необычные виды вооружения, уровень два. Чтобы получить разрешение на ношение и применение необычных устройств для самозащиты при проведении операций в особо опасных условиях. Я так понимаю, в яблочко ты попал не случайно?

Я снова беру руку и на этот раз не забываю поставить ее на предохранитель.

– Нет. Вы же понимаете, что для этого не нужен антропоид? Никогда не задумывались, откуда в центре Лондона столько одноногих голубей?

Гарри качает головой:

– Ох, молодежь. Когда я только пришел на службу, мы все думали, что в будущем будут сплошные лазеры, пищевые концентраты и полеты на Марс.

– Так в общем-то и вышло, – отвечаю я. – Это же наука. Попробуйте использовать конечность живого существа, умершего от заболевания двигательных нейронов или множественного склероза, и сразу увидите! Мы ведь что делаем: устанавливаем микроконтур, который открывает информационный канал из другого смежного континуума. Информационные каналы – это довольно легко; если добавить энергии, можно из него сделать настоящие врата и протащить массу, но это опасней, поэтому мы этим не злоупотребляем. Демоны... то есть, простите, «внеземные сверхскоростные разумные сущности» с той стороны пытаются захватить управление через проприоцептивные нервы, развертку которых могут ощутить по другую сторону контура. Нервы мертвы, как и вся рука, но они по-прежнему работают как полезный проводник. В итоге возникает информационный импульс, чистая информация на планковском уровне, которая представляется нам фазово-сопряженным лучом когерентного света...

Я указываю рукой на остатки мишени на другом конце тира. Две дымящиеся ноги.

– А что ты сделаешь, если тебе когда-нибудь придется направить эту штуку на другого человека? – тихо спрашивает Гарри.

Я поспешно кладу ее обратно на стойку.

– Очень надеюсь, что никогда не окажусь в такой ситуации.

– Не годится. Скажем, они взяли в заложники твою жену или детей...

– Служебное расследование еще не закончилось, – отвечаю я. – Так что я не знаю даже, есть у меня еще работа или уже нет. Но надеюсь, что никогда больше не окажусь в таком положении.

Я стараюсь скрыть дрожь в руках, пока закрываю футляр на замок и возобновляю защитное поле. Гарри задумчиво смотрит на меня и кивает.

– Продолжим заседание следственной комиссии.

Я перебираю бумаги перед собой, без причины, просто чтобы скрыть нервозность.

Маленький зал, стены обиты толстыми дубовыми панелями, на полу синий ковер. Меня только что вызвали: жарят тех, кто там был, и тех, кто несет за произошедшее ответственность, и я – номер два после Фольмана. (Он вел курс и проводил призыв, а я всего лишь его прекратил.) Двоих в костюмах я не узнаю, но от них пахнет начальством – такой неуловимый дух, который как бы говорит: «Я уже получил свой орден святого Михаила и Георгия, а ты свой когда получишь?» Третий – старший маг из ревизоров, и только его хватило бы, чтобы у меня кровь застыла в жилах, если бы я был виноват в чем-то более серьезном, чем кража казенных скрепок.

Меня просят встать в центре герба, изображенного на ковре: на нем золотой нитью вышит какой-то латинский девиз, очень красиво. Я чувствую, как

статический заряд поднимает волоски у меня на запястьях, и понимаю, что ток на контур подан.

– Назовите свое имя и должность.

На столе стоит диктофон, и на нем горит красная лампочка.

– Боб Говард. Хакер с Темной стороны, кхм, офицер компьютерно-технической службы второго ранга.

– Где вы были восемнадцатого числа прошлого месяца?

– Я, м-м... Я проходил обучение: введение в прикладную оккультную информатику, код 104, руководитель – доктор Фольман.

Лысеющий мужчина в центре что-то отмечает в блокноте, а потом пронзает меня холодным взглядом.

– Ваше мнение о курсе?

– Мое... э? – Я на миг замираю в растерянности: это не по сценарию. – Мне было до смерти скучно... кхм, курс хороший, но малость элементарный. Я туда попал только потому, что Хэрриет на меня разозлилась за то, что я опоздал на собрание, после того как отработал двадцатичасовую смену. Доктор Фольман хорошо все подготовил, но материал – ну совсем азы, я ничего нового не узнал и не слишком внимательно его слушал...

Да что я несу?

Человек в центре снова смотрит на меня. Ощущение, будто я попал под микроскоп; по шее у меня начинает течь холодный пот.

– Когда вы слушали не слишком внимательно, чем вы занимались?

– Считал ворон по большей части.

Что происходит? Я почему-то отвечаю на все вопросы, какими бы неудобными они ни были.

– Я не умею спать в аудитории, а книжку не почитаешь, если на потоке всего восемь учащихся. Я держал ушки на макушке на случай, если он скажет что-то интересное, но в основном...

– Вы желали Фредерику Айронсайду зла?

И рот у меня открывается, прежде чем я успеваю прикусить язык:

– Да. Фред был кретином. Все время задавал мне idiotские вопросы, не умел учиться на собственных ошибках и часто нес несусветную чушь, а убирать за ним дерьмо вечно приходилось всем остальным. Ему вообще на этом курсе было не место, и я его с этим отправил к доктору Фольману, но он не послушал. Фред только зря переводил кислород и производил богонов больше всех в Прачечной.

– Богонов?

– Это такая гипотетическая частица тупоумия. Идиоты излучают богоны, из-за чего машины в их присутствии ломаются. Сисадмины поглощают богоны, так что компьютеры снова могут работать. Хакерский фольклор...

– Вы убили Фредерика Айронсайда?

– Непредумышленно... да... вы меня за язык взяли... нет! Черт, он сам это сделал! Этот идиот закоротил защитный контур во время эксперимента, поэтому я ударил его огнетушителем, но только когда он уже был одержим. Это самозащита. Что это за заклятье?

– Пожалуйста, Роберт, воздержитесь от оценочных суждений: нам нужны только и исключительно факты. Вы ударили Фредерика Айронсайда огнетушителем потому, что ненавидели его?

– Нет. Потому, что я до смерти боялся, что тварь у него в голове нас всех прикончит. Я его не ненавижу – он, конечно, унылый зануда, но это не особо тяжкое преступление. Как правило.

Женщина справа делает отметку в блокноте. Инквизитор кивает; я чувствую, как мой язык сковывают невидимые серебряные цепи, такие же, что приковали меня к судебному ковру, на котором я стою.

– Хорошо. Еще один вопрос: из всех людей, проходивших обучение на этом курсе, кто был там самым неподходящим?

– Я. – Заклятье заставляет меня закончить предложение, прежде чем я успеваю понять, что говорю: – Я бы мог там преподавать.

Морские волны без конца разбиваются о берег, серый, бурный континуум сталкивается с небом на полпути к бесконечности. Под ногами хрустит галька: я иду по местному подобию пляжа, мимо старого кладбища, которое сбегает по пологому склону почти к самой воде. (Каждый год море отвоевывает у суши еще фут; Данвич медленно уходит под воду, и рано или поздно только прилив будет бить в церковные колокола.)

Как безумные дервиши, вьются и кричат у меня над головой чайки.

Я пришел сюда пешком, чтобы убраться подальше от общежития, учебного корпуса и кабинетов для оперативных совещаний, в которые превратились две шеренги прежних развалюх и один частный дом. Ни одна дорога не ведет в Данвич или из него: министерство обороны завладело Данвичем еще в 1940-м и перепроложило все трассы, стерло городок с карт и из коллективной памяти жителей Норфолка, словно его никогда и не было. Бродяг отпугивают колючие кусты, которые окружают нас с двух сторон, а третий фланг прикрывает отвесный обрыв. Когда Прачечная унаследовала Данвич от MI5, появился и менее заметный охранный периметр – примерно на расстоянии мили от него человек начнет испытывать глубокое чувство беспокойства и тревоги. В общем, попасть сюда можно только по воде – и наши друзья позаботятся обо всех незваных гостях размером меньше атомной подлодки.

Мне нужно подумать в одиночестве. О многом подумать.

Следственная комиссия постановила, что я не несу ответственности за произошедшее. Более того, она одобрила решение перевести меня на действительную службу, если я получу сертификат о прохождении базового

курса, и пронеслась по всему отделу, как пустынный самум, гонящий перед собой песчинки истины. Связывая языки заклетьями и применяя служебные полномочия, старая метла прошлась повсюду и оставила за собой чистоту и порядок – пусть и немного взвинченные – после того, как все грязное белье открылось холодному взгляду руководства. Не хотел бы я оказаться на допросе у их шакалоголовых прислужников, если бы был в чем-то виноват. Но, как точно заметил Энди, если бы здесь запрещено было умничать, Прачечной вовсе бы не было.

После той пьянки Мэйри снова перебралась в мою комнату, и мне не хватило духу ее прогнать. Пока что она ничем в меня не бросалась и не угрожала вскрыть себе вены, ни в прямом порядке, ни в обратном. (Два месяца назад, когда она в очередной раз попыталась запустить мой алгоритм прерывания самоубийства, я так разозлился, что только посоветовал: «Вдоль, а не поперек», – и ногтем показал направление. Тогда она разбила об мою голову чайник. Нужно было сразу воспринять это как тревожный знак.)

Но теперь мне нужно обдумать куда более глобальную проблему. Вся эта история с Фредом нешуточно открыла мне глаза. А по-прежнему ли я хочу записываться на действительную службу? Стать членом отдела Химчистки, летать в дальние страны, знакомиться с необычными людьми и обрушивать на них смертоносные заклетья? Что-то я уже не уверен. Раньше мне казалось, что уверен, но теперь-то я знаю, что, по сути, это значит часами торчать под дождем, а иногда смотреть на людей с червяками в глазах. Неужели я этому хочу посвятить свою жизнь?

Возможно. А с другой стороны – может, и нет?

На берегу передо мной лежит большой валун, за ним валяется полусгнившая перевернутая лодка – за нее выходить нельзя, здесь проходит наш защитный периметр. Если я не хочу поднять тревогу, привлечь внимание охраны и вообще опозориться публично, дальше забираться не стоит. Я кладу ладонь на камень, выветренный, поросший лишайником и ракушками. Сажусь на него и смотрю назад, на Данвич и учебный центр. На миг мир кажется омерзительно стойким и надежным, будто отрадные мифы девятнадцатого века оказались правдой, и вся реальность работает как часы в едином упорядоченном космосе.

Где-то там, в Данвиче, доктор Малькольм Денвер проходит вводный инструктаж, ознакомительные беседы, замеры обуви, уточнение ставки пенсионных начислений и получает казенный тюбик зубной пасты и металлические жетоны на шею. Наверное, он до сих пор немного злится, как злился я, когда меня приволокли сюда четыре года назад, после того как кто-то – мне так и не сказали кто – поймал меня на том, что я систематически роюсь в засекреченных, но недостаточно хорошо защищенных файлах. А это была всего-то летняя подработка: я как раз получил диплом программиста и готовился поступать в аспирантуру, вот и сводил концы с концами – взял заказ у министерства транспорта. Я почуял крысу в поленице и начал копать, даже не подозревая, какого огромного грызуна ухватил за хвост. Поначалу я злился, но за четыре года в Корзине для Белья – это наше странное гетто, где замкнуты те, кто владеет тайным знанием, – немного обжился и вошел во вкус. Слава богам, тавматургия оказалась не менее увлекательной, чем теория чисел, а заложенные Трисмегистом герметические дисциплины – столь же захватывающими, сколь и науки, которыми он занимался. Но неужели я хочу обречь себя на эту секретную службу на всю жизнь?

Просто взять и вернуться к обычной жизни я уже не могу. То есть меня, конечно, оставят в покое, если хорошенько попросить, но только если пообещаю никогда не работать в целой куче разных областей, включая все те, в которых я мог бы неплохо зарабатывать. И от этого возникнут проблемы – материальные и семейные: мама, скорее всего, перестанет со мной разговаривать, а отец будет орать про лентяев и бестолковых хиппарей. А вот сын на госслужбе им очень даже нравится: оба могут решительно не обращать внимания на очевидные признаки неудачности своего брака и жить дальше в святой уверенности, что хоть с родительскими обязанностями они справились хорошо. В любом случае я прослужил еще слишком мало, чтобы обеспечить себе пенсию. Подозреваю, что я мог бы вечно прозябать в техподдержке или даже мутировать в менеджера; огромная часть бюджета Прачечной уходит на то, чтобы покупать молчание профнепригодных баранов, которые производят работу для тех, кому нужно как-то скоротать время между первым, случайным столкновением с государственной тайной и уходом на пенсию. (И никакой доброты и сердечности в этом нет: прикончить болтуна – это дорогое и опасное дело с чудовищными политическими последствиями, если попадешься, и рабочая атмосфера создается, прямо скажем, не лучшая. А вот заплатить полену, чтобы сидело за столом с девяти до шести и не раскачивало лодку, заметно дешевле и проще.) Но мне бы хотелось думать, что жизнь не настолько... бессмысленна.

Над головой вьются и кричат чайки. Я слышу негромкий стук за спиной: одна из птиц что-то уронила на гальку. Оборачиваюсь – на случай, если эти твари собрались на меня нагадить. На первый взгляд все ожидаемо: нечто маленькое, похожее на морскую звезду, светло-зеленое. Но при ближайшем рассмотрении...

Поднимаюсь и склоняюсь над упавшей добычей. Да, похожа на морскую звезду: радиальная симметрия по пяти осям. Вроде бы окаменелость, какой-то зеленоватый аргиллит. А потом я присматриваюсь. Я знаю, что всего в двух сотнях миль отсюда, на побережье Нормандии, расположено большинство ядерных реакторов Европы, сезонным ветрам ничего не стоит принести оттуда радиоактивное облако прямо к нам. (А вы еще гадали, отчего британское правительство так держится за ядерное оружие?) Но эта штука необычайней любого мутанта, порожденного радиацией. Каждое щупальце слегка подрублено; сама же тварь похожа на поперечное сечение морского огурца. Должно быть, это представитель какой-то древнейшей клады, окаменелость из какого-нибудь диловинного отряда, вымершего в результате Кембрийского взрыва – как раз когда появились те строения, что лежат ныне на глубине двух километров под одной безымянной британской станцией в Антарктике.

Я не в силах оторвать взгляд от окаменелости, потому что вижу в ней знак. Ее вырвали из естественной среды обитания и бросили умирать на чужом берегу под взглядами созданий, для нее непостижимых. Хорошая метафора: так себя в наш век чувствует и человечество – то самое человечество, которое призвана защищать Прачечная. И забудем про покров государственной тайны, про антураж времен Холодной войны, про забытый городок и охранный периметр – если говорить прямо и по сути, всё сводится к нашей чудовищной коллективной уязвимости, к нашей беспомощности перед натиском созданий, которых мы толком не можем постичь. Даже низшего из них, не принадлежащего к Великим Древним, хватит на то, чтобы опустошить крупный город; мы играем в свои игры в тени сил столь зловещих, что стоит на миг потерять бдительность – и всё, что представляет собой человечество, утонет во мраке.

Я могу вернуться в Лондон: они позволят мне вернуться к своему столу в тесной комнатухе и дальше чинить там сломанную офисную технику. Без обвинений и укоров – просто работа на всю жизнь и пенсия через тридцать лет в обмен на молчание до гробовой доски. Или я пойду обратно в Данвич и подпишу там бумажку, согласно которой они могут сделать со мной все, что угодно. Неблагодарная, смертельно опасная служба в любой точке мира: скорее всего, придется делать омерзительные вещи, такие, о которых никогда нельзя будет

рассказать ни одной живой душе. Может, вообще никакой пенсии мне не достанется, а только безымянная могила в каком-нибудь ущелье в среднеазиатском нагорье или нога в мокром носке, которую случайно найдут утром на берегу Тихого океана в компании пирующих крабов. Никто и никогда не рвался на действительную службу ради денег или условий труда. С другой стороны...

Я смотрю на морскую звезду и вижу глаза, человеческие глаза, в которых копошатся зеленые черви, а потом понимаю, что выбора у меня нет. А по сути, никогда и не было.

3. Перебежчик

Три месяца спустя – с точностью до минуты – я сижу за столиком в американском баре и работаю над своим первым полевым заданием. Можно было бы ждать, что это будет чрезвычайно волнительный момент моей карьеры, да только это совершенно тривиальная, почти учебная операция, поскольку Санта-Круз – одно из самых приятных мест в Калифорнии, а мне было бы легче вытерпеть иголки под ногти от испанской инквизиции, чем еще десять минут в одной комнате с Мэйри. Так что я наслаждаюсь жизнью, сидя в дешевом баре у волнореза со стаканом пшеничного пива от пивоваренного завода Санта-Круза, и смотрю, как пеликаны тренируют посадку и взлет на ограде за окном.

Лето только началось, температура градусов двадцать пять, на пляже полно прекрасных девушек, дауншифтеров и фанатичных серфингистов. Поскольку это Санта-Круз, я надел обрезанные джинсы, психоделическую футболку и бейсболку задом наперед, но все равно, конечно, за местного меня никто не примет. Цвет лица у меня как у классического гика – за такой готы убить готовы, – а в Санта-Крузе даже гики время от времени оказываются на солнце. Да и сережек у них обычно больше одной.

Имя моего контакта здесь – Мо. И почему-то мне кажется, что это псевдоним. Никто толком ничего не знает об этом загадочном Мо, кроме того, что это бывший британский ученый, у которого возникли проблемы с возвращением на родину. И тут мне становится непонятно, при чем тут вообще Прачечная: с такими вопросами вполне способно справиться наше консульство в Сан-

Франциско.

Тут нужно немного осветить историю вопроса – ведь Великобритания и США союзники, правда? Если честно, и да и нет. Не существует двух государств, у которых идеально совпадали бы интересы: в итоге они оказываются в серой зоне, где эгоизм подталкивает прежних союзников вести себя друг с другом совсем не по-дружески. Моссад, например, шпионит за ЦРУ, а в семидесятые Румыния и Болгария шпионили за Советским Союзом. Лидеры этих государств могут даже целоваться в десна, однако...

В 1945-м Великобритания и США подписали договор об обмене разведданными: в то время наши спецслужбы вели отчаянную войну против общего врага. Немногие из тех, кто не связан с разведкой, понимают, как близко к пропасти мы стояли – даже тогда, в апреле 1945-го: ничто так не помогает укрепить союз на самом высоком уровне, как безумный враг, решивший вас полностью истребить... И в первые послевоенные годы этот договор позволял Британии и США петь одни и те же псалмы.

Но в последующие десятилетия отношения между странами начали портиться. Частично виной тому Хельсинкский протокол: даже Молотов тогда согласился, что оккультные вооружения, которые измыслили приспешники Гитлера из Общества Туле, слишком опасны и не должны применяться, и союзники вздохнули с облегчением. А когда стало ясно, что в британской разведке полно русских шпионов, ЦРУ быстро отошло подальше; так сформировался сложный комплекс политического взаимодействия сверхдержав, в котором поеденному молю британскому льву пришлось занять то место в жизни, на которое указал ему новый дрессировщик – дядя Сэм. Думаю, можно в этом винить Суэцкий кризис и провал с Тьюрингом или паранойю Никсона, но в 1958-м, когда Великобритания предложила распространить договор сорок пятого года на оккультные спецслужбы, правительство США ответило отказом.

Мои коллеги из Центра правительственной связи прослушивают звонки в США, сводят данные и передают через стол коллегам из АНБ, которым устав не позволяет шпионить за людьми на территории США. Взамен посты перехвата и прослушивания АНБ дают ЦПУ вполне добротный и незаметный способ следить за всеми телефонными разговорами в Западной Европе – в конце концов, они ведь ничего не прослушивают, а только читают расшифровки, подготовленные коллегами, не так ли? Но в сумеречной зоне оккультных спецопераций нам не разрешается открыто сотрудничать. Здесь у меня нет местного связного, как не

было бы в Кабуле или в Белграде: формально я тут вообще нелегал, поскольку въехал по туристической визе. Так что какое бы ни произошло искажение реальности, это лично моя проблема.

С другой стороны, ушли в прошлое те времена, когда приходилось среди ночи прыгать из отсека бомбардировщика и пытаться не зацепиться парашютом за Железный занавес. Позабыты и показательные процессы пойманных шпионов: если попадусь, худшее, что меня ждет, – допрос и срочная высылка домой. Да и с парашютом прыгать мне не пришлось. Все было куда прозаичнее: я прилетел на пассажирском MD-11 компании «Американ Эйрлайнс», заполнил визовую анкету («род занятий: госслужащий; цель визита: командировка», и нет, я не был членом НСДАП с 1933 по 1945-й) и вышел в зал ожидания аэропорта Сан-Франциско.

Вот так и получилось, что я сижу в баре в Санта-Крузе, смотрю на пеликанов, медленно пью пиво, жду, когда же появится Мо, и пытаюсь понять, что же мог учудить британский ученый, что ему понадобилась наша помощь, чтобы вернуться домой, не говоря уж о том, почему вообще Прачечная отнеслась к его проблемам с такой серьезностью.

Я не единственный посетитель в баре, но только на моем столике пиво соседствует с закрытым экземпляром «Философских трудов по теории неопределенности». Это мое прикрытие: якобы я аспирант, который прилетел поговорить с профессором о том, можно ли тут получить место преподавателя. Поэтому Мо сразу узнает меня, когда придет. В Калифорнийском университете всего шесть профессоров преподают философию: один пожизненный, два доцента и три приглашенных. Интересно, который из них Мо?

Я лениво оглядываюсь – на случай, если он уже пришел. В дальнем углу расположились со скейтбордами и пивом два гранж-металлиста, оживленно обсуждающих свой пирсинг; в городе таких полным-полно, смотреть не на что. У барной стойки в одиночестве сидит мужчина с прямой, как палка, спиной. На нем клетчатая рубашка и полотняные штаны, он внимательно читает газету «Сан-Хосе Меркьюри Ньюс». (Тут начинает звенеть мой подозревометр, потому что этот джентльмен очень похож на црушника в штатском; но если они меня ведут, то какого черта так показушно? Может, это просто состоятельный местный бизнесмен.) Три нердевички с чубчиками на выбритых головах хвастаются временными татуировками, а потом по одной отлучаются в туалет.

Уходят грустными, выходят смешливыми; то ли у них там злостный аппарат-раздатчик боливийского порошка, то ли добрый монах-грехоприимец. Я качаю головой и прихлебываю пиво, а потом поднимаю глаза, – как раз когда надо мной склоняется вполне сногшибательная натурально рыжая девушка:

– Вы не против, если я присяду?

– Эм-м...

Я отчаянно пытаюсь придумать формулу вежливого отказа, потому что мой контакт будет искать одинокого мужчину с томиком «Философских трудов» на столе. Но она не оставляет мне времени на раздумья:

– Можете называть меня Мо. А вы, я так понимаю, Боб?

– Ага. Садитесь.

Я ошарашенно моргаю, слова застряли где-то в глотке. Она садится, и я не могу оторвать от нее взгляд.

Мо ошеломительна. Для начала в ней шесть футов росту. Резкие черты лица, высокие скулы, веснушки, и волосы такого медного оттенка, что кажется, будто можно их обернуть изоляцией и пускать ток. В ушах у нее покачиваются серебряные сережки с крупными стеклянными шариками; на ней армейские штаны, простой белый топ и жакет, который выглядит настолько изысканно-повседневным, что, наверное, стоит больше, чем моя месячная зарплата. А в левой руке она держит томик «Философских трудов по теории неопределенности», который кладет поверх моего. Возраст определить затрудняюсь. Может, около тридцати? Тогда она птица высокого полета. Она замечает, что я пялюсь, и с вызовом встречает мой взгляд.

– Позвольте вас угостить? – спрашиваю я.

Мо на миг замирает, затем решительно кивает:

– Ананасовый сок.

Я подаю знак бармену, чувствуя себя не в своей тарелке. Есть в ее взгляде что-то марсианское, словно смотрит не девушка, а могучий, безжалостный разум с другой планеты. И еще мне кажется, что дураков она терпеть не может.

– Простите, меня не предупредили, кого следует ждать.

Местный бизнесмен смотрит на меня поверх газеты, замечает мой взгляд и снова утыкается в спортивные новости.

– Ерунда. – Мо немного расслабляется.

Подошедший бармен принимает заказ – ананасовый сок и еще стакан пива (я никак не могу приспособиться к местной таре, в которой и пинты-то нет) – и снова исчезает.

– Я бы хотел устроиться преподавателем, – механически говорю я, надеясь, что ее контакт предупредил ее про моекрытие. – Ищу, где бы начать работу над диссертацией. У Калифорнийского университета хорошая репутация...

– Ага. И климат отличный. – Она кивает на пеликанов за окном. – Лучше, чем в Аркхэме.

– Правда? Вы там были?

Наверное, мой голос прозвучал слишком восторженно, потому что в ответ она обожгла меня ледяным взглядом.

– Да.

Я едва не прикусываю язык. (Иностранка, профессор философии в самом снобском колледже Новой Англии. Хуже того – не протестантка, судя по ее шотландскому выговору.)

– При случае расскажу. А диплом ваш был на какую тему?

Мне кажется, или она и вправду надо мной потешается? Этого в сценарии не было: мы должны были не импровизировать в баре, а пойти прогуляться и

поговорить о важном там, где нас не могут подслушать. К тому же она считает, что я из МИДа. Какой темы она ждет? Раннеантичная литература?

– Диплом... – Мысленно скрещиваю пальцы на удачу. – Диплом был посвящен доказательству полиномиальной временной полноты при пересечении гамильтоновых сетей. И его следствиям.

Она выпрямляется:

– Однако. Вот это интересно.

Пожимаю плечами:

– Я этим на жизнь зарабатываю. Среди прочего. А ваши научные интересы лежат в какой плоскости?

Бизнесмен поднимается, складывает газету и уходит.

– Рассуждения в условиях неопределенности, – отвечает Мо, прищурившись. – Не старые добрые вероятности или байесовские суждения на основе статистики, но рассуждения в условиях отсутствия доказательной базы.

Я прикидываюсь дурачком: сердце у меня вдруг начинает колотиться как бешеное.

– А есть от этого какая-то польза?

Вопрос ее явно веселит.

– Помогает оплачивать счета.

– Серьезно?

Веселье как ветром сдуло.

– Понимаете ли, Боб, восемьдесят процентов исследований в области философской логики в этой стране оплачивает Пентагон. Если хотите устроиться тут на работу, попробуйте уложить этот факт в голове.

– Восемьдесят процентов...

Вид у меня, наверное, ошеломленный, потому что в ней что-то щелкает, и она переключается из саркастичного режима «Короткая встреча» на полную профессорскую мощность:

– Профессор философии зарабатывает около тридцати тысяч долларов в год и обходится еще где-то в пять тысяч за счет мела и рабочего места. Морской пехотинец зарабатывает около пятидесяти тысяч долларов в год и обходится еще в сотню за счет казармы, боеприпасов, транспортировки, горючего, оружия, похоронных расходов, пенсий и так далее. Поддерживать все философские факультеты США стоит примерно столько же, сколько один батальон морпехов. – Мо сухо улыбается. – Им нужен прорыв. Способ деконструировать идеологическую инфраструктуру противника – например, создать самовоспроизводящийся концепт-вирус, поражающий ее слепые пятна. Это бы дало им огромное стратегическое преимущество: специальные психологические подразделения смогут гарантированно заставить противника сложить оружие без единого выстрела. Холодную войну они выиграли благодаря кибернетике и теории игр, так что платить философам с военно-стратегической точки зрения разумнее, чем содержать еще одну роту морпехов, не так ли?

– Это дико, – качаю головой я, – но логично.

Но не более дико, чем то, за что платят мне.

Она фыркает:

– Это не исключительный случай. Вы знали, что за последние двадцать лет Пентагон ежегодно выбрасывает пару миллионов в год на исследования вооружений из антивещества?

– Антивещества? – Я снова качаю головой: кажется, такими темпами у меня к вечеру шея отвалится. – Если кто-нибудь придумает, как его производить в промышленных количествах, то можно будет...

– Именно. – Мо смотрит на меня с некоторым удовлетворением; мне почему-то кажется, что она видит меня насквозь.

(Антивещество – далеко не самое экзотическое направление разработок Управления перспективных исследовательских проектов, но для среднего университетского профессора – в самый раз; особенно для профессора философии, способного читать между строк и уже по горло сытого реалиями военно-академического комплекса.)

– Я бы с удовольствием продолжил обсуждение, – предпринимаю я попытку направить разговор в нужное русло, – но, может, не здесь? – Прихлебываю пиво, выдерживая паузу. – Вы не против прогуляться? Когда вам нужно быть на работе?

– У меня завтра лекция в девять, если вы об этом. – Она на миг замолкает, прикусив язык. – Если вы и вправду собираетесь тут работать, давайте я покажу вам город?

– Это было бы отлично!

Мы допиваем и уходим из бара со всеми его реальными или воображаемыми жучками.

Я могу быть хорошим слушателем, если постараюсь, а Мо (судя по всему, уменьшительное от Доминики, поэтому я и не смог найти ее в списке университетских преподавателей) умеет хорошо говорить, по крайней мере, когда ей нужно многое сказать. Поэтому мы гуляем так долго, что у меня наверняка будут мозоли.

Парк Сил-Пойнт представляет собой поросший травой мыс, который обрывается крутым утесом прямо в Тихий океан. Какие-то психи в гидрокостюмах пытаются там, внизу, заниматься серфингом (лично я бы им страховку жизни и здоровья не подписал). Примерно в пятидесяти футах из воды поднимается скальный выступ, на котором разлеглись морские львы. Их лай еле слышен за шумом прибоя.

– Я совершила ошибку: подписала договор о неразглашении, прежде чем показать его своим юристам, – говорит Мо, глядя на море. – Я думала, это обычные университетские бумаги, которые, по сути, говорят, что факультет будет иметь процент со всех коммерческих патентов, которые я получу за время работы здесь. А мелкий шрифт я прочла недостаточно внимательно.

– И насколько там все плохо? – спрашиваю я, переминаясь с ноги на ногу.

– Я этого не узнала, пока не собралась навестить тетю в Абердине. – Вот тебе и шотландский акцент. – Она заболела, а мне не дали визу. Меня завернули на паспортном контроле из-за отсутствия разрешения на выезд из США, представляете?

– Обычно их больше волнуют потенциальные иммигранты, – соглашаюсь я. – Может, в этом дело?

– Я не гражданка США, у меня британский паспорт и грин-карта. Я вообще тут работаю только потому, что, хм-м, по моей специальности не так много исследовательских вакансий в других странах. Если бы я осталась со своим бывшим мужем, могла бы претендовать на израильское гражданство. Но они меня не выпускают! Я даже представить себе не могла, что такое возможно.

На секунду она замолкает. В небе кричат чайки.

– А потом, когда миграционная служба подняла шум, Пентагон поставил ее на место. Приказал отложить мое дело под сукно.

Я молча киваю: дело дрянь. Значит, кто-то наверху считает, что Мо – стратегический ресурс: «особый режим, обращаться деликатно, но глаз не спускать». Мы тоже иногда так поступаем: мне, например, нельзя уезжать в отпуск за пределы Евросоюза без письменного разрешения от главы департамента. Но это потому, что я на тайной службе. А Мо ведь просто профессор, верно? Жаль, что она не уточнила, которая из голов Пентагона ее прихватила.

– А когда начались неприятности?

– Какие именно? – смеется она.

Опять я проговорился.

– Ну, текущие. Простите, мне этого не сообщили.

Мо смотрит на меня с сомнением:

– Да какой же вы тогда сотрудник МИДа?

– Если вы не будете задавать вопросы, мне не придется вам врать, – пожимаю плечами. – Простите, но я не имею права говорить о своей работе. Скажу только, что, когда вы начали жаловаться, вас слышали не только в консульстве. Поэтому меня отправили помочь вам всем, чем смогу. Хорошо?

– Ничего себе, – косится на меня Мо. – Идемте.

Она поворачивает обратно к дороге, и я шагаю следом. Мы выходим на скрытую среди деревьев тропинку, ведущую вон из города.

– Неприятности начались в Мискатонике. Мы с Дэвидом к тому моменту уже развелись... не подошли друг другу. В общем, там я проиграла всухую. В Мискатонике уровень внутренних интриг и грызни просто зашкаливает. Когда стало понятно, что в обозримом будущем пожизненный контракт они со мной не подпишут, мне забросили предложение от кого-то в Калифорнийском университете. Отличный исследовательский грант, близкая моим изысканиям тема и обещание дать мне зеленый свет, если будут результаты.

Пожизненный профессорский контракт – это Святой Грааль академического мира: нужен он якобы для того, чтобы первоклассные исследователи могли заниматься всем, чем пожелают, что бы об этом ни думала администрация университета. Разумеется, поэтому университеты и пытаются такие контракты изжить.

– И что вышло в итоге?

– Я прилетела на собеседование. Получила место. Только нужно было подписать много бумаг. Дэвид – юрист, но к тому времени... – Она снова замолкла, но дальше я, кажется, могу дорисовать картину сам.

Теперь мы взбираемся по склону, и тропинка сужается. По сторонам трепещет пятнистый узор света и теней. День, выдавшийся ясным и жарким, уже клонится к вечеру. Мимо проходит, удивленно косясь на нас, пара серфингистов.

– А как вы начали заниматься этими исследованиями?

– Это само собой получилось. В Эдинбурге я работала над логикой получения заключений. Да и в Мискатонике поначалу занималась тем же, но системы верований уже много лет не получали должного внимания, и мне показалось, что там я смогу развернуться как следует, тем более учитывая, какие интересные закрытые архивы у них там хранятся: в Аркхэме, если вы не знали, совершенно уникальная библиотека. Я опубликовала несколько статей, и вот тогда-то на кафедре все и полетело в тартарары. Может, конечно, это была ловко сплетенная интрига, но сейчас мне так не кажется.

– Что-что, а щупальца у них длинные, не говоря уж о других безымянных органах. Я бы хотел увидеть документы, которые вы подписали.

– Они в университете. Я могу за ними потом зайти.

Мы карабкаемся по крутому склону, и я уже запыхался. У Мо длинные ноги и очевидная любовь к долгим пешим прогулкам. Привычка или спорт?

– А вы уверены, что ваше исследование не могло получить какого-нибудь частного военного применения?

Я сразу понимаю, что допустил ошибку. Мо останавливается и пронзает меня гневным взглядом.

– Я – философ с уклоном в историю фольклора, – шипит она. – За кого вы меня принимаете?

– Простите. – Я отступаю на шаг. – Мне нужно было задать этот вопрос. Формально.

– В таком случае я не сочту это за оскорбление.

Готов поспорить, она сказала это буквально.

– Нет. Просто я вплоть до равной нулю энтропии убеждена, что дело не в этом. Исчисление веры, теория, которая позволяет очертить пределы уверенности в утверждениях, основанных на бездоказательной вере, не может иметь военного применения, ведь правда?

– Вы сказали «веры»? – переспрашиваю я, а по спине у меня бегут горячие и холодные мурашки. – То есть вы можете проанализировать обоснованность веры, не имея...

Я замолкаю.

– Давайте не будем вдаваться в технические подробности без доски под рукой?

– Значение слова «вера» зависит от того, кто его произносит. К примеру, богослов и ученый вкладывают в него разные смыслы. А слово «бездоказательная» придает ему удручающий технический оттенок. Но давайте рассмотрим гипотетическую ситуацию. Предположим, я утверждаю, что верую в летающих поросят. Я их никогда не видел, но имею основания полагать, что в реальности существует родственный им вид – летающие пекари. И вы говорите, что можете вывести пределы моей уверенности? Численно оценить вероятность реального существования летучего пятачка?

– Ну да, – пожимает плечами Мо. – Всё можно вычислить. Мы живем в платоновской вселенной: видим только тени на стене пещеры, а настоящие числа существуют сами по себе где-то рядом. Я только начала обдумывать вероятностные метрики, которые можно было бы применить к утверждениям богословского характера. Нашла очень интересные рукописи в Уилмартовском собрании фольклора в Мискатонике...

– Ага, – тяну я, когда мы поворачиваем и выходим на небольшую поляну, на другом конце которой снова начинается подъем. – Значит, мы возвращаемся к старой идее реальной и доступной наблюдению вселенной, а всё, что мы знаем, это то, что мы можем наблюдать. Значит, отдел стратегического фольклора в Пентагоне испугался, что вы расскажете другим, где найти этих поросят высокого полета?

Мо снова останавливается и уже откровенно разглядывает меня, словно снимает мерку. И принимает какое-то решение, потому что отвечает:

– Мне кажется, их больше испугали создания, которые отбрасывают тени. В частности, те, что сожрали «Трешер» и некую советскую подводную лодку серии 613 тридцать лет назад...

Когда я возвращаюсь вечером в свой номер в мотеле, меня уже ждет человек в клетчатой рубашке. У него удостоверение ФБР, ордер и отвратительные манеры.

– Сядь, заткнись и слушай внимательно, – начинает он, – повторять я не собираюсь. А когда я закончу, ты свалишь из города ко всем чертям, потому что, если через двадцать четыре часа ты все еще будешь на этом континенте, придется тебя арестовать.

Я бросаю куртку на спинку стула.

– Кто ты такой и что ты тут делаешь?

– Я сказал – заткнись.

Он показывает ламинированную карточку, а я демонстративно ее рассматриваю. Она утверждает, что некто (не обязательно тот, кто стоит передо мной) работает на разведуправление ВМС США – если я, конечно, способен опознать удостоверение РУ ВМС у себя под носом. Сначала я думаю, что он какой-то слишком доверчивый для разведчика – они обычно без пистолета не входят, – но затем понимаю, откуда такая самоуверенность, и подавляю внезапную дрожь. Глаза у него мертвые, а на лбу виднеется странный шрам. Это означает, что сознание, приводящее в движение это тело, скорее всего, находится в каком-

нибудь бункере в сотне миль отсюда.

– Сегодня для меня ты просто турист. А если окажешься здесь завтра, мне придется заподозрить, что ты иностранный гражданин, занятый деятельностью, направленной на подрыв национальной безопасности США. Но если ты мне не скажешь здесь и сейчас, что работаешь на Прачечную, мне не придется предпринимать следственных действий по этому подозрению до восемнадцати ноль-ноль завтра. Всё ясно?

– А что такое «прачечная»? – спрашиваю я, изо всех сил изображая недоумение.

– Умник, да? – фыркает он. – Заруби себе на носу: у нас есть охранные круги, сенсоиды и стражи. Мы вас знаем, мы вас накрыли. Мы знаем, где ты живешь, знаем, в какую школу ходит твоя собачка. Дошло?

– По-моему, вы совершаете ошибку. – Я пожимаю плечами.

– Ответ неверный, – цедит он и снова пробует пробить меня сержантским взглядом четвертого калибра; зря старается: меня таким не возьмешь. – Запомни: мы ошибок не совершаем. Ты два часа разговаривал с объектом национальной безопасности, и нам это не нравится, мистер Говард, очень сильно не нравится. В иной ситуации мы бы просто аннулировали ее допуски и посадили на ближайший самолет, но у объекта, с которым ты говорил, в голове могут быть данные, которые не должны покинуть эту страну. Понятно? Дело на рассмотрении. И если ты услышал что-то, что для твоих ушей не предназначено, тебя мы тоже не выпустим. К счастью для тебя, мы знаем, что она не проболталась ни о чем важном. Так что придумай, почему ты никогда тут не был, и все у тебя будет хорошо.

Я сажусь и начинаю снимать кроссовки.

– Это всё?

– «Это всё?» – снова фыркает Клетчатый и направляется к выходу. – Да, приятель, всё.

Он открывает дверь. Затем раздается влажный хлопок – и Клетчатый падает навзничь, поливая ковер кровью, сочащейся из ушей.

Я откатываюсь в сторону, подальше от зоны видимости, и хватаюсь за высушенную обезьянью лапку, которую ношу на шее на шнурке. Ладонь обжигает электрический разряд: это активируется контур. («Постарайся не погибнуть на дружественной нам территории», – сказал Энди. Ничего себе шуточка!) Клетчатый не дает двери закрыться, а мотель – типично калифорнийский: все двери открываются внутрь. Я собираюсь с духом, затем подбираюсь ближе вдоль стены ванной и хватаю его за руку.

В спецшколе вам никогда не скажут, насколько тяжелым окажется труп. Я беспечно наклоняюсь, чтобы подхватить его второй рукой, и в этот момент что-то бьет меня в плечо. Я падаю назад, волоча за собой Клетчатого, и дверь захлопывается.

Лужа крови становится все больше, но мне нужно убедиться наверняка; входное отверстие должно быть где-то над линией волос. Я заставляю себя присмотреться...

На лбу у него едва видны буквы древнего алфавита. Они на миг вспыхивают прямо у меня на глазах и тут же исчезают.

Мне не очень хочется делить номер со списанным в баллистический резерв агентом разведки. К тому же меня терзает подозрение, что псих с винтовкой все еще там, и, если я не уберусь отсюда за полторы минуты, мне придется отвечать на очень неприятные вопросы. Но ведь я и не должен выжить, логично? Интересно, они знают о защитных амулетах стандартного образца? Если повезет, мой еще будет работать; амулеты очень плохо переносят прямые попадания, но силу теряют постепенно.

Снаружи раздается громкий клекот мотора; мотоцикл с сорванным глушителем стонет, а затем с ревом уносится с парковки, оставляя за собой черный след резины. Я хватаю кроссовки и обуваюсь (морщась всякий раз, когда приходится сгибать левую руку), натягиваю куртку, сжимаю в правом кармане обезьянью лапку и распахиваю дверь...

Как раз вовремя, чтобы увидеть, как мотоцикл скрывается вдаль. И вокруг, как назло, ни одного полицейского.

Я бросаюсь в ванную, откручиваю краны и подставляю руки под струю, чтобы смыть кровь. И безучастно отмечаю, как они дрожат. В следующий миг я начинаю думать очень быстро; потом вытираю руки, иду в спальню и беру мобильник. Нужный мне номер уже в адресной книге.

– Утилизация отходов Винчестера. Здравствуйте.

– Привет, это Боб Г-говард. У меня тут приключилась неприятность, нужна помощь уборщика.

– Ваш адрес? – уточняет оператор, а когда я оттарабаниваю адрес отеля, спрашивает: – Какого сорта уборка вам необходима?

– Придется заменить простыни, – отвечаю я, а потом добавляю: – И я порезался, когда брился. А теперь мне пора на работу.

– Хорошо. Наша команда скоро к вам приедет, – говорит она и вешает трубку.

Я передал кодовое сообщение, которое значило: «Внимание: моя легенда вскрылась. Мне нужно срочно выбираться отсюда, дела пошли плохо, и ни при каких обстоятельствах никто не должен выходить со мной на прямой контакт». «Я порезался, когда брился». «Есть трупы». Такие коды практически невозможно взломать, если не использовать их дважды. Если повезет, у парня, который прослушивает мой телефон, уйдет несколько минут, чтобы понять, что я нажал тревожную кнопку.

Я накрываю лицо Клетчатого полотенцем, хватаю сумку и осторожно приоткрываю дверь номера. Ничего дурного не происходит. Я выхожу на балкон, запираю за собой дверь и быстро иду на парковку. Нечего даже думать о том, чтобы вытаскивать отсюда Мо: моя непосредственная задача заключается в том, чтобы сесть в машину, поехать на север, оставить колеса в аэропорту, а самому вылететь отсюда ближайшим рейсом.

Когда я нажимаю на брелок, дверца открывается и зажигается свет. Машина не взрывается. Сжимая в руке обезьянью лапку, я сажусь, заводжу мотор и уезжаю в ночь, дрожа как осиновый лист.

– Алло? Кто это?

– Мо? Это Боб.

– Боб...

– Да. Слушайте, по поводу нашего разговора.

– Как здорово, что...

– Я тоже был рад пообщаться, но я звоню по другому поводу. Дома возникло срочное дело, так что мне придется улететь. Мы изучим ваше дело и выясним, как можно надавить...

– Вы должны мне помочь!

– Что? Да, конечно, мы...

– Нет! Сейчас! Они хотят меня убить. Меня тут заперли, но не обыскали, так что пока не нашли телефон, но...

ЩЕЛК.

– Что за черт?

Я ошалело смотрю на телефон, затем поспешно выключаю его и вынимаю батарею на случай, если кто-то захочет меня отследить.

– Да что за фигня?

Голова у меня идет кругом. Ну да, рыжеволосая дева только что попросила рыцаря ее спасти: внутренний циник сообщает, что я, наверное, и вправду слегка озабоченный. У меня в номере лежит шпион, которому высадили мозги, а мне здесь окажутся самым решительным образом не рады, как только его начальство об этом узнает, – и это самый подходящий момент, чтобы услышать по телефону, что мой контакт опасается за свою жизнь. Что за... Что тут вообще происходит?

Прачечная чрезвычайно гордится своими протоколами и инструкциями. У нас есть инструкции по взлому замков и обыску кабинетов, специальные бланки для извещения о нехватке канцелярских скрепок, инструкции по вызову демонов из безмерных глубин и даже инструкции по составлению инструкций. Мы, наверное, скоро станем первой в мире разведслужбой, полностью удовлетворяющей требованиям ISO-9000. Согласно служебной инструкции по разрешению частных провалов во время проведения зарубежных операций, я сейчас должен заполнить форму 1008.7, а затем гнать на полной скорости по трассе 17, пока не выеду на автомагистраль, откуда свернуть к аэропорту Сан-Франциско, где купить при помощи служебной кредитки билет на ближайший рейс домой. При этом не забыть заполнить еще форму 1018.9 («неожиданные расходы, связанные с ситуацией 1008.7 при исполнении служебных обязанностей»), чтобы успеть подать ее до того, как бухгалтерия закроет квартал.

Но, если я так поступлю и если Мо похитили такие же сердечные ребята, как мой второй гость, – я просто провалю задание, все испорчу, спишу контакт, который я должен был отсюда вывезти, и заодно потеряю шанс на второе свидание. (И мы так никогда и не узнаем, какая мысль пролетела в голове капитана «Трешера» последней: «Он сквамозный и ругозный!» или только «Он сквамозный!»)

Оглянувшись, я вижу, что парковка по-прежнему пуста. Так что я выезжаю, разворачиваюсь на железнодорожном переезде и мчу обратно в город. Пора хорошенько обдумать ситуацию.

Мо живет в съемной квартире недалеко от кампуса. Теперь я знаю ее настоящее имя, так что у меня уходит всего десять минут на возню с картой и телефонной книгой, чтобы найти нужное место и приехать туда. Под домом нет полицейских машин, вообще никаких признаков чрезвычайного происшествия – просто

квартира с темными окнами. Я знаю, что она не дома, но мне нужно что-то, принадлежащее ей, так что я паркуюсь, быстро подхожу к двери и стучу так, будто меня ждут. И отчаянно надеюсь, что похитители не оставили мне тут какой-нибудь неприятный сюрприз.

Внешняя дверь заперта, но сквозь нее видно, что внутренняя – нараспашку. Несколько секунд работы с мультитулом – и преграда устранена. Квартира перевернута вверх дном: кто-то опрокинул низкий столик, заваленный бумагами, на полу валяется ноутбук, а когда мои глаза привыкают к темноте, я вижу на ковре в коридоре упавший полками вниз книжный шкаф. Я переступаю его, держа руку в кармане, и иду в спальню.

Там тоже хаос: то ли комнату кто-то обыскивал второпях, то ли сама Мо пыталась свить тут гнездо. Рядом с кроватью валяется куча ношенной одежды. Я запихиваю в сумку футболку и возвращаюсь в машину. Чешуйки кожи – вот что мне нужно. А пока я настойчиво стараюсь не думать о том, что происходит с Мо прямо сейчас.

Когда я иду обратно по дорожке, мне навстречу выходит крепкий мужчина средних лет.

– Привет, – бросает он с легким подозрением в голосе.

– Здравсьте, – отвечаю я, – я на минутку. Мо попросила меня цветы полить.

– Ясно. – При упоминании ее имени он сразу скучнеет. – Вы бы машину там не ставили, она паркоместо для инвалидов загораживает.

– Да я уеду раньше, чем кто-то заметит, – обещаю я. И делаю всё возможное, чтобы исполнить обещание.

Припарковавшись за углом, я вынимаю футболку. Из-за подсветки приборной панели ткань кажется выцветшей. Ладно, будем надеяться, этого хватит. Я роюсь в сумке и, вынув взломанный КПК, запускаю особое приложение, которое самоудалится, если я не введу правильный пароль в течение шестидесяти секунд. Затем открываю слот расширения и провожу спрятанным там сенсором по ткани. Ну отлично: стрелка на экране указывает прямо на меня – видно, я уже запачкал пробу собственным биоманитным следом. Ругаясь сквозь зубы,

перезапускаю приложение, и оно, разумеется, вылетает с сообщением об ошибке. Только с четвертой попытки мне удастся получить стрелку, которая указывает не на меня и сохраняет направление, как бы я ни повернул КПК.

Вот такие чудеса новых технологий.

Час спустя я лежу на животе в подлеске на краю небольшой рощи и сжимаю в руках обезьянью лапку, КПК и мобильник. Задача (если только я не решу от нее отказаться) – предотвратить человеческое жертвоприношение в доме передо мной. И никакой группы поддержки.

Шипение и шум океанского прибоя глотает все звуки с дороги у меня за спиной. Я дрожу от свежего ветра с моря и холода, идущего от влажной земли, – недавно прошел дождь. Синяк на левом плече ноет: наверное, утром я этой рукой и пошевелить не смогу. (Сам виноват, подставился под пулю. Кинетический заслон свое отработал, но теперь я беззащитен.)

У гаража стоит грузовик, в доме горит свет, но шторы опущены. Десять минут назад на улицу вышли двое, вывели из гаража мотоцикл-внедорожник, рванули напрямик по лужайке и, не притормаживая, выскочили на трассу; рассмотреть их мне не удалось. Специальное приложение на КПК мигает красным: рядом раскинулось большое и мощное призывное поле, и, судя по его типу, они тут задумали провести порталный ритуал. Всерьез хотят открыть ворота в другую вселенную, способные переносить реальные объекты, – это очень плохое колдунство. Понятия не имею, кто эти ребята и зачем они похитили Мо, но ситуация выглядит паршиво.

На дороге мигает свет; я слышу рычание двухтактного двигателя, а потом мотоцикл возвращается в гараж со своими двумя пассажирами. У одного из них за плечами рюкзак... Что они привезли? Что-то, что опасались держать рядом с домом? Я вжимаюсь в землю, стараюсь стать невидимым. Провожу еще один замер, не первый и не второй по эту сторону сада. Думаю, я примерно понял, что это: сложная защитная спираль, более двухсот футов в поперечнике, центрирована на дом. Первостатейная паранойя, лишь бы защитить то, что они задумали. Сюда они привезли Мо – зачем? Я подползаю ближе к большому боковому окну, стараясь разместиться так, чтобы между мной и трассой оставались кусты, и до икоты надеюсь, что здесь нет собак.

Шторы они опустили, но само окно открыто – просто загорожено противомоскитной сеткой. Я слышу голоса. Языка не узнаю, да и штора заглушает слова, но говорят явно двое. Один из них коротко смеется: неприятный звук. Я прижимаюсь к стене и начинаю размышлять, стараясь не дышать слишком громко. Пункт первый: я уверен, что Мо здесь, – если только она не одалживает свои футболки загадочным утыркам, которые устраивают призывные ритуалы, когда ее похищают какие-то другие люди. Пункт второй: это не РУ ВМС и не Прачечная. Вообще их следует считать врагами, пока не доказано обратное. Пункт третий: их тут как минимум четверо – двое на мотоцикле и еще двое или больше внутри с Мо. А я не супергерой, не спецназовец и не проходил подготовку по освобождению заложников. Как сказал Гарри, лезть в герои, если толком не понимаешь, что делаешь, – быстрая дорога на тот свет. Хм-м. Тут нужен спецназ, но его-то у меня в рукаве и не завалялось. Кстати, они же вроде должны сперва выяснить, где находится заложник, а только потом штурмовать дом?

Я могу, конечно, сделать кое-что конструктивное, но дома на меня за это будут орать. Я снова включаю мобильник и неуклюже ползаю по меню, пока не заставляю его перезвонить по последнему номеру. Это номер Мо, и если американцы его не прослушивают, то я – отставной козы барабанщик. Три гудка до ответа; я прислушиваюсь, но в доме ничего не слышно.

– Кто это? – говорит резкий мужской голос.

Я прикладываю трубку к губам:

– Вы ищете Мо.

– Кто это? – повторяет он.

– Друг. Слушайте. Где найдете этот телефон, найдете дом. Здесь несколько преступников, по меньшей мере четверо внутри. Они похитили Мо. Они строят круг Дхо-Нха, как минимум четвертого уровня, так что вам лучше предпринять меры...

– Оставайся на месте, – приказывает голос на другом конце. Я осторожно кладу телефон под окно и на четвереньках переползаю на задний двор.

Распахивается входная дверь. Раздается новый голос:

– Это ты, Ахмет?

Нет ответа. Я задерживаю дыхание, сердце бешено колотится в груди. Шаги по гравии.

– Американская сучка на месте.

Я отступаю от дома к ближайшим кустам: в полумраке вырисовываются фигуры, но шаги замирают.

– Я тут буду. Перекурю.

Этот ублюдок вышел на перекур! Я смотрю в небо: оно черное, как сердце начальника отдела маркетинга, и пронизано холодным светом далеких звезд. И как же я проберусь внутрь? Я вытаскиваю из кармана обезьянью лапку и аккуратно направляю на землю. У дверей с другой стороны дома зажигается красноватый огонек. Вдалеке нарастает гул мотоцикла, который мчится куда-то к холмам. В остальном – тихо. Слишком тихо, понимаю я через минуту. Тут ведь рядом трасса – где же все машины? Я начинаю пятиться, чтобы забраться поглубже в кусты, и в этот момент проваливаюсь в черноту.

4. Истина где-то рядом

– Вы не помните, что было дальше?

– Нет. Я вам об этом уже час твержу.

Нет смысла на них злиться, ребята просто делают свою работу. Я подавляю желание потереть голову: под повязкой зудит здоровая ссадина за правым ухом.

– Потом я очнулся в больнице на следующий день.

– М-мнда-а-а.

Я озадаченно моргаю. Неужели мне не послышалось, как кто-то сказал «м-мнда-а-а»? Так вообще кто-нибудь говорит?.. Кажется, это парень, похожий на старый носок кладбищенского сторожа, Дерек как-его-там. Он тоже моргает слезящимися глазами.

– Согласно шестому абзацу четвертой страницы медицинского заключения...

Я смотрю, как все остальные послушно листают бумаги. Никто и не подумал дать мне экземпляр, разумеется, хоть это и мои бумаги.

– Ушиб и микротрещина в правой затылочной кости; гематома и повреждения кожного покрова указывают на удар тяжелым тупым предметом.

Я поворачиваю голову, морщась от боли в шее, и показываю на повязку. Прошла почти неделя. Чего не говорят в полицейских детективах, так это того, как же больно получить по голове тяжелой дубинкой. Нет-нет, не дубинкой, конечно: предметом, тяжелым, тупым, предназначенным для использования сотрудниками Черной комнаты на оперативных заданиях в соответствии с US-MIL-STD-534-5801.

– Я полагаю, это совпадает с показаниями, – заявляет ходячий труп. – Пожалуйста, продолжайте.

Я вздыхаю:

– Я очнулся в больничной палате с иглой в вене и каким-то парнем из спецслужб рядом. Примерно через час явился некто, он утверждал, что это он управлял Клетчатым, а потом начал задавать неудобные вопросы. Похоже, они уже обложили дом. Когда я в третий раз объяснил, что произошло в мотеле, он согласился, что это не я испортил их имущество, и захотел узнать, как и зачем я оказался рядом с домом. Я ему сказал, что мне позвонила Мо и попросила о срочной помощи. Когда я повторил это еще десяток раз, он ушел. На следующее утро они отвезли меня в аэропорт и посадили на самолет.

Мачо из бухгалтерии, который сидит рядом с Дерексом, смотрит на меня с ненавистью.

– Бизнес-классом! – шипит он. – Я полагаю, это была ваша идея?

Оп-па!

– Я тут ни при чем! – возмущаюсь я. – Они что, выставили счет?..

– Да, – кивает Энди. Он бездумно вертит в пальцах ручку, а об энергосберегающую лампу на потолке так же бездумно бьется муха.

– Ой.

Не то, чтобы непредвиденные расходы считались в Прачечной расстрельной статьей, но по тяжести они идут сразу после нарушения прямых приказов и измены Родине. Во времена Маргарет Тэтчер проводились даже проверки использования скрепок, но потом кто-то заметил, что падение боевого духа в этой организации может обойтись дороже, чем, например, в министерстве сельского и рыбного хозяйства.

– Вины не признаю, – автоматически говорю я, прежде чем успеваю прикусить язык. – Я их об этом не просил, это произошло после того, как операция пошла не по плану, и вообще я был без сознания.

– Никто не обвиняет тебя в том, что ты растратил служебные средства без необходимости, – ласково говорит Энди и бросает предупреждающий взгляд на Дерекса из бухгалтерии, а потом добавляет: – Я бы хотел узнать, почему ты вообще за ней увязался. Стандартная методика работы предполагает, что ты должен был немедленно покинуть территорию страны, как только тебя вскрыли. Зачем ты туда полез?

– Кхм. – Губы у меня пересохли, потому что этого вопроса я ждал. – Я собирался уехать. Покинув место убийства, я сразу же сел в машину и поехал из города в аэропорт. И улетел бы, но мне позвонила Мо.

Я снова облизываю губы:

– Мое задание предполагало, что я смогу организовать выезд источника. Я сделал вывод, что кто-то считает Мо достаточно ценным источником, чтобы ради нее стараться. Приношу извинения, если дело не в этом, но по звонку я заключил, что Мо похитили, и после встречи со стрелком решил, что это худший результат, чем провал задания и отступление. Поэтому пришлось импровизировать на ходу: я поехал к ней домой и применил локатор. Я много об этом думал. О том, что нужно было делать. Например, я мог бы выяснить, где ее держат, а потом вернуться в мотель, чтобы узнать, кто руководил тем шпионом. Или поехать в аэропорт и позвонить из зала ожидания. Но я увяз слишком крепко. Какой-то ублюдок только что попытался меня убить; получается, РУ ВМС прослушивало Мо. Они перехватили мой звонок, и я смог им сказать, где искать. Но они, скорее всего, уже знали. Когда Мо позвонила мне с мобильного, они уже должны были получить сигнал.

Я залпом выпиваю стакан воды и ставлю его обратно на стол.

– В общем, я думаю, РУ ВМС или какая-то другая тайная служба из трех букв – например, агенты Черной комнаты под видом РУ ВМС – следила за Мо и вычислила меня, как только мы с ней встретились. Разыграли меня втемную. А вот тот, кто попытался меня пристрелить, застал их врасплох. Это было не по сценарию. Я знаю, что должен был вернуться, но в тот момент, думаю, все потеряли хладнокровие. Да кто они вообще, эти психи? Затянуть старший призыв у всех на виду...

– Вам знать не положено, – шипит Дерек. – Хватит!

– О'кей. – Я откидываюсь на спинку стула, так что он встает на дыбы; у меня адски болит голова. – Ситуацию понял.

Моя третья мучительница вкрадчиво спрашивает:

– Это ведь не всё, не так ли, Роберт?

Я раздраженно перевожу взгляд на нее:

– Да, наверное, не всё.

Бриджет – блондинка, эффективный менеджер и карьерист. Она не сводит взгляда с сияющих высот секретариата кабинета министров, будто не замечает пуленепробиваемого стеклянного потолка, нависшего над всеми сотрудниками Прачечной. Есть подозрение, что ее основная должностная обязанность – портить жизнь всем, кто расположен ниже ее по карьерной лестнице, преимущественно руками своей прислужницы, Хэрриет. Она продолжает, строго для протокола:

– Мне не нравится, как была организована эта операция. По плану, это должен был быть самый обычный контакт с отчетом, едва ли на ступеньку выше разговора с нашим консулом. При всем уважении Роберт – не самый опытный наш представитель, его не следовало отправлять на такое задание без соответствующей подготовки...

– Да это же дружественная территория! – перебивает Энди.

– Дружественная настолько, насколько это возможно без двустороннего договора, то есть страна, с которой у нас нет активного обмена разведданными, совместного комитета и местных рабочих контактов. Иными словами, это зарубежная страна. Роберта бросили туда без надлежащего присмотра и поддержки со стороны руководства, и, когда операция слетела с рельсов, он, разумеется, сделал всё возможное, но этого оказалось недостаточно, – цедит она и ослепительно улыбается Энди. – Хочу отметить, что ему нужна дополнительная подготовка, прежде чем отправлять его на одиночные задания. Также хочу отметить, что нам, кажется, следует внимательно рассмотреть и критически оценить обстоятельства, которые привели к такому назначению, на случай если они указывают на слабость в нашем планировании и отчетности.

Ну обалденно. Энди, судя по виду, чувствует такое же отвращение, как и я. Вместо маленькой ложечки Бриджет вылила на нас – да и не только на нас, вообще на всех – целую цистерну дегтя. Я, мол, «сделал всё возможное», и мне нужен надзор, прежде чем выпустить меня из детской в туалет одного. И теперь Бриджет начнет совать свой длинный любопытный нос в отчетность Дерека, Энди и всех остальных, чтобы проверить, соблюдались ли все инструкции. И если она найдет что-то отдаленно похожее на халатность, то непременно блеснет перед высоким начальством и наведет порядок, а все, кто будет возражать, проявят «прискорбный непрофессионализм». Офисная политика, редакция Прачечной.

– У меня голова болит, – бормочу я. – И тело подсказывает, что уже два часа ночи. У вас есть еще вопросы? Если вы не против, я поеду домой и полежу денек-другой.

– Лежи до конца недели, – отмахивается Энди. – Мы всё утрясем к твоему возвращению.

Я быстро встаю; в текущем состоянии я даже не думаю уточнить, в каком извращенном и диковинном смысле он употребил слово «утрясем».

– И я бы хотела увидеть ваш письменный рапорт об операции, – добавляет Бриджет, прежде чем я успеваю закрыть за собой дверь. – Оформленный в соответствии со служебной инструкций четвертой редакции, глава одиннадцатая, параграф С. Спешить не нужно, но я хочу видеть его у себя на столе к концу следующей недели.

Рапорт письменный, для зловредного применения, см. «Бюрократы».

И я еду домой, предвкушая встречу с горячей ванной, а потом – восемнадцать часов в постели.

Дома всё почти так же, как было, когда я уехал семь дней назад. Куча счетов медленно желтеет в углу, подпирая одну из ножек кухонного стола. Мусорное ведро переполнено, раковина забита посудой, а Пинки не почистил хлебопечку после последнего использования. Я заглядываю в холодильник и обнаруживаю там сморщенный чайный пакетик и упаковку молока, которому осталось еще дня два до того, как оно потребует права голосовать на выборах, так что я завариваю себе кружку чая, а потом сижу на кухонном столе и играю в тетрис на своем КПК. Цветные блоки похожи на падающие снежинки, и некоторое время я просто туплю в экран. Но реальность не дает мне покоя: у меня стирки на неделю в чемодане, еще на неделю – в комнате, а пока Пинки и Брейн на работе, я могу добраться до стиральной машины. (Если, конечно, в ней кто-нибудь не забыл опять дохлого хомячка.)

Я демонстративно игнорирую счета и волоку чемодан наверх. Комната примерно в том же виде, в каком я ее оставил, и я вдруг понимаю, что не хочу так больше жить: не хочу больше видеть всю эту б/у мебель, собранную инопланетянами с

планеты Домовладельцев, не хочу больше делить личное пространство с парой суперумных нерях, у которых проблемы с поведением и взрывоопасные хобби, не хочу больше ограничивать свои будущие возможности добровольно принятым обетом бедности – подписью на своем удостоверении сотрудника Прачечной. Я тащу чемодан в свою комнату сквозь туман усталости и легкого отчаяния, а потом открываю его и начинаю раскладывать содержимое в кучки на полу.

Что-то шевелится у меня за спиной.

Я оборачиваюсь так быстро, что почти воспаряю над землей, и судорожно хватаюсь за мумифицированную обезьянью лапку, которой у меня здесь нет. Потом приходит узнавание, и у меня перехватывает дыхание.

– Ты меня напугала! Что ты тут делаешь?

Видна только ее макушка. Она сонно моргает:

– А ты как думаешь?

Я осторожно подбираю слова:

– Спишь в моей кровати?

Она отодвигает теплое одеяло, чтобы зевнуть. Рот – розовый с серым в тусклом свете, пробивающемся через новые шторы.

– Ага. Мне сказали, ты сегодня вернешься, поэтому я, м-м, сказалась больной. Хотела тебя увидеть.

Я сажусь на край кровати. У Мэйри мышинного цвета волосы с несколькими светлыми прядями, которые она подкрашивает раз в несколько недель; мои пальцы путаются в них, когда я глажу ее по голове.

– Правда?

– Правда.

Голая рука вытягивается из-под одеяла и обхватывает меня за талию.

– Я скучала. Иди сюда.

Я хотел рассортировать грязные вещи для стирки, но в итоге вся моя одежда оказывается в одной куче посреди комнаты, а я оказываюсь под Мэйри. Она голая под одеялом и явно собралась устроить мне теплую встречу, а не ополаскивание и сушку.

– Ты чего? – пытаюсь спросить я, но она притягивает мою голову ближе, заставляя прижаться губами к набухшему соску.

Я понимаю намек и затыкаюсь. Мэйри в настроении, и это та редчайшая ситуация, когда наши отношения работают как нельзя лучше. Более того, с нашей последней встречи прошло больше недели, и такая постельная засада – лучшее, что со мной происходило за долгое время.

Примерно час спустя, вымотанные и мокрые, мы лежим, обнявшись, на кровати (одеяло решило перебраться к одежде на пол), и она тихо мурлычет.

– Так что случилось? – спрашиваю я.

– Ты был мне нужен, – говорит она с невинным эгоизмом, которому позавидовала бы любая кошка, и гладит меня по спине. – М-м-м. Хм-м. Плохая неделя.

– Плохая неделя?

Я пытаюсь быть хорошим слушателем. С ней я попадаю в беду, только когда открываю рот сам.

– Сначала полный бардак на работе: Эрик ушел на больничный и запорол дело, с которым работал, а мне пришлось за него разбираться. В итоге три дня подряд работала допоздна. А потом была вечеринка у Джуди. Она меня напоила и познакомила с каким-то своим другом. Он оказался полным дерьмом, но только после того...

Я откатываюсь в сторону.

– Ты могла бы этого не делать, – слышу я собственный голос.

– Чего не делать? – обиженно спрашивает она.

– Не важно, – вздыхаю я и стараюсь не выпалить: «Ничего уже, на хрен, не важно!»

Внезапно я чувствую себя невыносимо грязным.

– Я в душ. – Сажусь на кровати.

– Боб!

– Не важно.

Я встаю, хватаю грязное полотенце из кучи на полу и иду в ванную, чтобы смыть ее с себя.

У Мэйри есть проблема – я. Мне бы просто послать ее куда подальше, разорвать все связи, перестать с ней разговаривать, но с ней хорошо, когда мы не в ссоре; она знает все мои кнопки и нажимает их в правильном порядке, когда мы в постели; и она умеет врезать точно по больному месту, так что я себя потом чувствую пятидюймовым карликом. И у меня есть проблема: она хочет меня поменять на Нового Парня, модель 2.0, с быстрой машиной, «Ролексом» и карьерными перспективами. (Наличие чувства юмора и безнадёжной должности в Прачечной – строго опциональны.) Она всё время отскакивает, как мячик, – то ко мне, то от меня, и я не всегда понимаю, в какую сторону, – а в промежутках использует меня, как кошка – когтеточку. Вот, например, эта вечеринка у Джуди. Джуди – это ее подруга, непроходимая блондинка из администраторов, которая умудряется всегда одеваться настолько безупречно, что я себя чувствую грязным школьником, а она слишком вежлива, чтобы что-то сказать. И вот, когда Мэйри цепляет у нее какого-нибудь продавца двойных стеклопакетов, а тот выставляет ее из дому на следующее утро, я должен оказаться рядом для утешительного секса.

Так вот, моя проблема заключается в том, что ей плевать на то, что мне такое положение вещей невыносимо. Если я попробую поднять шум по этому поводу,

она скажет, что я ревную, и в итоге я буду мучиться смутным чувством вины. А если не попробую, она и дальше будет вытирать об меня ноги. И кто знает? Может, я просто параноик, и она вовсе не ищет Нового Парня. (Ага, точно, и вчера над Хитроу видели клин диких кабанов с реактивным двигателем под каждым крылом.)

Выгонять из своей постели незнакомых парней мне еще не приходилось, но с Мэйри это, по-моему, только вопрос времени. Хуже всего то, что я не хочу просто с ней порвать; я всего лишь хотел бы, чтобы она прекратила играть в эти игры. Может, это самообман, но мне кажется, что у нас может что-то получиться. Наверное.

Я стою в душевой кабинке с намыленной головой, когда слышу, как открывается дверь.

– Мне неприятно слушать про твои случайные связи, – говорю я с зажмуренными глазами. – Я вообще не понимаю, зачем ты со мной, если так демонстративно ищешь кого-то другого. Можно я немного побуду один?

– Ой, прости, – говорит Пинки и закрывает дверь.

Когда я выхожу из ванной, он ждет в коридоре; мы старательно не смотрим друг другу в глаза.

– Кхм. В комнате безопасно, – наконец говорит он. – Она ушла.

– Ну и хорошо.

Пинки семенит за мной вниз по лестнице.

– Она попросила меня с тобой переговорить, – еле слышно говорит он.

– Это можно, – отстраненно отзываюсь я. – Пока она тебе не предлагает забраться ко мне в постель.

– Она сказала, что тебе надо почитать FAQ на сайте alt.polyamory, – выдыхает он и сжимается.

Я включаю чайник и сажусь.

– Ты правда думаешь, что проблема во мне? Или все-таки в Мэйри?

Пинки беспомощно озирается, но выхода из ловушки нет.

– У вас несовместимые представления об отношениях? – пробует он.

Чайник шипит, как обозленная змея.

– Очень хорошо. «Несовместимые представления об отношениях» – вот как это цивилизованно называется.

– Боб, тебе не кажется, что она это делает, чтобы привлечь твоё внимание?

– Есть хорошие способы привлечь моё внимание, а есть плохие. Если врезать мне по самолюбию монтировкой, это точно привлечёт моё внимание, но любви вряд ли прибавит.

Я доливаю в свою чашку кипятка, а потом встаю и начинаю рыться в буфете. Ага, вот она, на том же самом месте. Щедро плескаю в чай ямайский ром и принимаюсь: тростниковый сахар, пронизанный белой молнией.

– Мужское самолюбие – любопытная штука. Размером с небольшой континент, но очень хрупкое. Выпьешь?

Пинки усаживается напротив меня так, будто оказался за столом с неразорвавшейся бомбой.

– Но можно ведь посмотреть на плюсы? – говорит он, протягивая стакан под ром.

– А есть плюсы?

– Она же к тебе снова и снова возвращается. Может, она это делает, чтобы сделать больно себе самой?

– Себе...

Я прикусываю язык. Когда Мэйри накрывает депрессия – это депрессия: я видел шрамы.

– Мне нужно об этом подумать, – говорю я.

– Ну вот, – самодовольно заявляет Пинки. – Так ведь лучше получается? Она это делает потому, что у нее депрессия и она себя ненавидит, а не потому, что с тобой что-то не так. Это не оценка твоей мужской силы, бычок. Сними сам кого-нибудь на одну ночь, и пусть уже она решает, чего хочет.

– Это из ЧЗВ? – уточняю я.

– Понятия не имею. Я за гетными брачными ритуалами не слежу, – отвечает он, подкручивая усы.

– Спасибо, Пинки, – тяжело говорю я.

Он картинно кланяется, а затем залпом выпивает стакан. Следующие две минуты я пытаюсь его спасти, чтобы не задохнулся, а потом мы продолжаем квасить. Остаток вечера погружается в сумрак, но, когда я просыпаюсь на следующее утро в своей постели, у меня оглушительное похмелье и смутное воспоминание о том, как мы много часов кряду говорили с Мэйри, а потом грандиозно поссорились, и я теперь один.

Полет нормальный: все хуже некуда.

Через два дня я уже записан на инструктаж и подготовку в Мусорник. Только Господь Бог и Бриджет – и, быть может, Борис, но он молчит, – знают, почему я попал на курс ИП всего через три дня после того, как сошел с самолета, но, если я не приду, скорее всего, случится что-то страшное.

Мусорник не входит в состав Прачечной: это обычное госучреждение, так что приходится поискать не слишком мятую рубашку, галстук (их у меня два – на одном изображен Хитрый Койот, а на другом – множество Мандельброта, от

которого быстро начинает болеть голова) и спортивный пиджак со слегка потрепанными рукавами. Я же не хочу выглядеть совсем уж дико, верно? А то кто-нибудь начнет задавать вопросы, а после инквизиционного судилища, через которое я только что прошел, лучше, чтобы мое имя рядом с Бриджет не произносили ближайший год. Я уже на полпути к метро, когда осознаю, что забыл побриться, и только в вагоне замечаю, что натянул непарные носки – коричневый и черный. Ну и хрен с ним: я сделал все, что мог. Был бы у меня костюм, надел бы.

Мусорником у нас называется громадное и очень стильное постмодернистское строение на южном берегу Темзы: зеленоватые ростовые окна, просторный атриум и горшки с монстерой везде, где нет видеокамер. В Мусорнике расположилась бюрократическая организация, которая славится своими трехчасовыми обеденными перерывами и внушительным числом выпускников высшей школы КГБ в штате. В СМИ эту организацию настойчиво и ошибочно называют MI5. Но все свои знают, что MI5 уже тридцать лет как переименовали в DI5; точно как со старыми советскими картами, на которых города располагались с ошибкой миль в пятьдесят, чтобы сбить с курса американские бомбардировщики, DI5 называют неправильно, чтобы запросы гражданской общественности шли не по тому адресу. (Удивительным образом существует организация, которая называется MI5; она занимается проверкой и контролем муниципальных тендеров на вывоз мусора. Так что учитывайте, что, когда MI5 отвечает на ваш запрос в соответствии с законом о свободе информации, мол, ничего о вас не знаем, они говорят чистую правду.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.com/ru/stross_charl-z/katalog-katastrofy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)